

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

Мерфодий БУСЛАЕВ™

ТАНЕЦ МЕЧА

Мефодий Буслаев

Дмитрий Емец

Танец меча

«Емец Д. А.»

2011

Емец Д. А.

Танец меча / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2011 — (Мефодий Буслаев)

В предстоящей схватке Мефа и Арея сюрпризов быть не должно. Лигул давно жаждет получить голову Буслаева и не собирается оставлять ему ни одного шанса на победу. А такой шанс есть. Если собрать вместе меч, щит и ножны Древнира, они способны удесятерить силу их обладателя. Поэтому мрак хочет заполучить их во что бы то ни стало. Но об артефактах знает не только Тартар. Светлые тоже заняты поисками и уже нашли магический щит. Чтобы достать ножны, им нужно всего лишь... допросить короля джиннов, томящегося в кувшине тысячи лет и готового рассеять в прах любого, кого увидит первым.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Емец

Танец меча

Человек скреплен состраданием. Как только сострадание исчезает – исчезает и человек.

«Книга Света»

Мы знаем, мы глубоко чувствуем, что там, в глубине детской души, есть много прекрасных струн, знаем, что в душе детской звучат мелодии – видим следы их на детском лице, как бы вдыхаем в себя благоуханье, исходящее от детской души, – но стоим перед всем этим с мучительным чувством закрытой и недоступной нам тайны.

прот. Василий Зеньковский

Глава 1

Булава с орлиной головой

Бояться зла не надо. Злее оно все равно уже не станет. Рассчитывать на его снисхождение нелепо. Трусов в бою убивают в первую очередь, потому что гораздо проще убить того, кто повернулся спиной, чем того, кто хоть как-то, но сражается. Даже если трус жалобно пищит: «Я не играю!» – его не щадят: «Сейчас не играешь – потом начнешь!»

«Книга Света»

Новый Арбат – не такой уж и новый. Равно как и рядом лежащий Старый Арбат – не такой уж и старый. Некогда по Арбату скрипели восточные *арбы*, теперь же проносятся автомобили. Днем их поток сплошной, медленный. Ночью он ускоряется, но, и ускоряясь, не теряет непрерывности. Эпохи меняют декорации и костюмы, суть же всегда остается. Ключ к Арбатам – вечное движение.

Дождливым октябрьским вечером в районе «Дома книги», где за сто с копейками лет до того гуляющий лакей покорял соседскую горничную резиновыми калошами и часами с цепочкой, вынырнул черный пес. Он был тощий, костистый, голодный. Двигался настороженно, держался в тени домов. Сделав крюк, подкрался к киоску-прицепу, торгующему хот-догами и курами-гриль, и затаился за колесом.

Пес лежал бесшумно и тихо, даже на прошедшую вдоль стены кошку не кинулся, а лишь недружелюбно оскалился, сожалея, что она не встретила его в другое время. Несколько минут спустя подошел мужчина в свитере и купил курицу-гриль. Долго расплачивался, не спеша прятал бумажник.

Пес терпеливо ждал, созерцая сплетение ремешков на черных туфлях. И лишь когда бумажный пакет с курицей оказался у «свитера» в руках, из-за колеса взметнулась черная молния. В высоком прыжке зверь на миг поднялся на задние лапы. Ни рычания, ни лая. Пинок запоздал.

Минут пять Добряк отлеживался в кустах. Дождался, пока прекратятся крики. Потом встал и неторопливо, как самая честная собака в мире, направился к подземному переходу.

Было уже поздно. Скрипач деловито считал вечернюю выручку. Пес остановился, внимательно слушая, как он пересыпает мелочь из банки. Звук напоминал смех красноносой ста-

рушки, которая частенько заглядывала к ним в гости и ставила в углу закутанную брезентом и пахнущую страхом палку.

Воспоминание о страшной страхом палке огорчило пса, и он зарычал сквозь курицу. Скрипач вскинул голову. У него было пухлое белое лицо и брови, похожие на усы. Из-за этого лицо казалось повернутым наоборот.

– Работаете? И я вот тружусь! – доверительно, как своему, сказал он псу.

Пес терпеливо дождался, пока труженик скрипки уйдет, и, нырнув в боковой проход, стал скрестись у двери с надписью: «**Ответственный: Гормост**». Видимо, не в первый уже раз: краска с железной двери местами была содрана.

С другой стороны отодвинули засов. Пес увидел девушку в кожаных брюках и высоких ботинках. Скорее всего, она и являлась таинственной гражданкой Гормост. Пес дежурно вильнул хвостом и, протиснувшись между ногой и стеной, уронил курицу на пол.

– Ужин принесли! – сообщила кожаная Гормостиха в глубину комнаты.

– Странная у тебя собака, Варвара! Сама как скелет, а одна не ест. Что не украдет – все тебе тащит, – отозвался ленивый голос.

– Моя школа... Вам оставить курицу? Или вы из собачьего рта безгугете?

– Было время, мы с Улитой питались коровьими тушами из чумного скотомогильника, вымывая в реке трупный яд. По-другому не получалось: нас искали. – Арей не спешил покидать диван.

Ночами он лежал здесь и глазами, пьющими тьму, как мы пьем свет, смотрел в потолок, составленный из бетонных плит. Над его головой через неравные интервалы проносились машины. Когда машина была грузовой, лампочка вздрагивала.

О чем Арей думал, не знал никто. Очень часто и он сам. Для людей время вертикально. Сверху – настоящее, внизу, где-то довольно глубоко, прошлое. Они никак не накладываются и существуют отдельно. Для Арея, как для стража, время было горизонтальным. Все истекшие и настоящие мгновения он держал в памяти с одинаковой ясностью – только будущее было скрыто.

Среди ночи Добряк, лежащий у дивана, принимался громко чесаться. Его задняя лапа непрерывно стучала по полу. Варвара называла это: «заяц, играющий на барабане». Когда Добряк утихал, на столе начинал канючить и жаловаться умирающий телефон. Варвара вечно забывала его зарядить. Какое-то время Арей терпел, но заканчивалось все обычно тем, что мечник вставал и добивал аппарат кинжалом. С его точки зрения, это гуманнее, чем просто воткнуть в него провод.

Варвара уже громко ела ворованную курицу. Некоторое время спустя к ней присоединился и Арей. Не столько ради курицы, сколько ради того, чтобы быть объединенным с Варварой общим делом. Обсасывая крылышко, он с любопытством поглядывал на Варвару.

– Что у тебя с мизинцем? – спросил он озабоченно.

– А чего у меня с мизинцем?

– Верхняя фаланга!

Варвара с интересом посмотрела на левую ладонь.

– А-а! Поняла: не гнется! Кстати, тот, что рядом, тоже не того... – догадалась она.

– Ты что, впервые об этом узнала? – не поверил Арей.

– Ну почему? И раньше знала. Просто не закликаюсь!

– И давно это у тебя?

– Года два. Паренек один предложил на воротах постоять, а потом оказалось: мяч набит гравием. А я еще смотрю, странно он его пинает. Ногу берег, собаккер!.. Ну шляпа я, короче! Так мне и надо!

Арей выдохнул в нос.

– Как мне его найти? – спросил он.

– Что, в футбол не с кем поиграть? – невинно удивилась Варвара. – Да не, нормальный парень! Мы с ним долго потом общались. Просто он... ну типа прикалывался.

Арей вскинул голову и быстро глянул в центр груди Варвары. Ему показалось, что, когда она назвала парня «нормальным», половина ее эйдоса слабо озарилась, на миг высветив контур темной половины. Арей замер, завороченный. Для него, стража, одного взгляда на эйдос было довольно, чтобы многое понять. Эйдос Варвары говорил ему больше, чем глаза, улыбка, слова. Эйдос – не только душа человека, но и его флаг. А кто захватит флаг – тот победил и армию. Некоторым, правда, кажется, что это так, тряпочка. Отдай, но сохрани пушки, а флаг сошьешь новый, когда подвернется занавеска подходящего размера. Однако стражи мрака и света – другого мнения.

Разбухший от эйдосов, но все равно голодный дарх Арея шевельнулся, потянувшись к Варваре. Арей раздраженно дернул его за цепь, уже зная, что тот сейчас кольнет его болью.

– Прикалывался, говоришь? – переспросил он, морщась. – А что ты ему в первый момент сказала, когда поймала «мячик»?

Варвара усмехнулась. Шрам на ее правой щеке дернулся, продлевая рот. «Мой гуинпленчик», нежно называл ее Корнелий.

– Вначале много чего. А потом: «с тебя шоколадка!» Только он ее до сих пор отдает... У меня было веселое детство. Самое скромное воспоминание, как мы елкой перекидывались через морг.

– Через что?!

– Ну, я у больницы жила, когда меня в семью взяли. В больнице – одноэтажный морг. Берешь лысую елку, и через крышу. А там другой деятель ловит и обратно. Так и летает елочка.

Арей попытался себе это представить.

– А там «нормальные люди» чего тебе сломали?

– Мне ничего. Но один раз санитар в фартуке выскочил и ко мне. А тут дубина через крышу летит. По высокой траектории, с запасом. Я ему ору: «Елка!», а он ухмыляется. Ну потом перестал, конечно.

– У тебя бывали счастливые моменты! – признал Арей.

– Только не когда мы на башенный кран залезли, а сторож овчарку выпустил. На всю ночь. Она внизу носится, психованная такая, а мы спуститься не можем... Декабрь, пальцы мерзнут за железки держаться. Тогда у меня еще Добряк не завелся. Он бы прикрыл.

Закончив есть курицу, Варвара присела на корточки и вытерла жирные руки о пса, уткнувшего морду ей в плечо. Осчастливленный Добряк, принявший это за ласку, попытался вымыть ей лицо мокрым языком и схлопотал средней силы боксерский апперкот.

– Захлопни копилку, болонка! На опыты сдам! – велела ему Варвара и добавила еще пару слов.

Нежность у Варвары была эпизодическая. Будь на месте Добряка песик поменьше, он месяцами не вылезал бы из-под кровати и даже до своей миски добирался бы короткими перебежками.

Арей засопел, медленно багровея.

– Опять этот свет! – взглянув на него, опередила его Варвара.

Барон мрака вздрогнул.

– Что ты сказала?

– А ничего! Вас передразнила! Стоит мне рот открыть, вы шипите: «Опять этот свет!» Не нравлюсь? Пристрелите!

Арей угрюмо молчал. Варвара стояла напротив прямая как стрела, воинственная, с высоко вскинутым подбородком – чем-то неуловимо похожая на самого Арея. И неважно, что он грузен – сходство залегало глубже внешней формы и относилось, скорее, к содержанию.

– Я даже рта не открыл! – буркнул Арей, начиная злиться, что ему приходится оправдываться.

– А пыхтеть зачем?

– Пыхтеть?

– А то нет? Не понравилось, что я ругаюсь? Одеваюсь не так? Ботинки мужские? Купите мне белое платье и синий бантик!.. Черный, сгинь! Стань невидимкой!

Добряк заскулил и полез прятаться под диван. Однако протиснулись только передние лапы и голова. Добряк застрял.

Арей за заднюю лапу выдернул Добряка из-под дивана.

– Остынь, Варвара! Никто тебя не трогает!

Ощущая полную свою беспомощность и невозможность что-то объяснить или доказать, он грузно плюхнулся на диван. В прореху в носке проглянул большой палец с грубой кожей и желтоватым неровным ногтем. Впервые в жизни Арей ощущал, что не может решить проблему ударом меча – и это его сердило.

Варвара подошла к зеркалу, огромному, чуть выпуклому, висевшему до ремонта на конце платформы станции «Арбатская». Дотащить его Варвара смогла только с помощью Корнелия. Навьюченный Корнелий всю дорогу отказывался быть грубой мужской силой и ворчал.

Варвара стояла перед зеркалом и критически изучала свое отражение.

– Ну и рожа! Уродилась же в какую-то сволочь! – сказала она горько.

Арей повернулся так резко, что у дивана со звуком пистолетного выстрела треснула ножка. Варвара удивленно повернулась. Мечник медленно поднимался. За его спиной завалился диван.

– Ну что еще такое?

– ТЫ – ОЧЕНЬ – КРАСИВАЯ! – произнес Арей с угрозой.

Добряк заскулил и снова полез прятаться. Однако под сломанный диван протиснуться оказалось еще сложнее, и Добряк сумел просунуть только морду.

Приподняв брови, Варвара уставилась на Арея.

– А вам-то какая разница?

– ЭТО – НЕ – ОБСУЖДАЕТСЯ!!! – с нажимом повторил Арей.

Варваре стало не по себе. Она поняла, что либо ей придется признать, что она самая красивая девушка на земле, либо ей сломают шею. Из двух зол приходилось выбирать меньшее.

– Так и быть. Уговорили! Я очень красивая! – хмыкнула Варвара.

Арей смягчился.

– Все, проехали! Давай о другом... Э-э... Купить тебе машину?

Варвара перечеркивающе дернула подбородком:

– А толку? Я еще позавчерашнюю не разбила!

– Долго возишься. Мамай обычно справлялся с этим гораздо быстрее, – вздохнул Арей.

– Мне надоело! – сказала Варвара с вызовом.

– Что надоело? – забеспокоился Арей.

– Все надоело! Идиотство жить в переходе, где вода только холодная и из технического крана, и каждый день менять машины!

– В переходе безопаснее. Не буду объяснять, почему, просто поверь... А что с деньгами? Может, дать тебе денег? – спросил мечник с надеждой.

То же категоричное движение подбородком перечеркнуло его надежды.

– Да вроде банкомат пока выдает. Что у меня за кредитка такая бесконечная?

Арей смущенно промычал что-то. Лишенному эйдоса банкиру со съедобной фамилией Тывочка было популярно растолковано, что он отправится в Тартар первым рейсом, когда у Варвары закончатся деньги.

Дверь дрогнула от короткого одиночного удара. Он был гораздо тише, чем даже Добряк обычно скребся лапами. Варвара не придавала ему особого значения, однако Арей сорвался с места и, прижавшись к стене, извлек из воздуха меч. Не замахинаясь, присел на колено и отвел лезвие назад, как готовый к удару бильярдный кий.

– Не войдут! Засов! – сказала Варвара.

Не сводя глаз с двери, Арей ощерился как волк. Засова больше не существовало. Растекшееся бесформенное пятно на его месте могло быть чем угодно. В комнату осторожно просунулся маленький кособокий страж с плоским лицом и узенькими, как стрелки, бакенбардами. Следом за ним стояли еще двое – одеты щеголевато, надушены, но веки красные, точно обожженные, без ресниц.

Типичные наемники из Нижнего Тартара. Духи перебивают неистребимый запах серы, пестрая одежда отвлекает внимание от лица. Первый с короткой булавой, отлитой в форме орлиной головы. Его спутник – с парой коротких клинков. Клинки он держал расслабленно, в опущенных руках.

Шеей кособокий не двигал – только зрачками. Узкие быстрые глазки скользнули по комнате. Завершив полукруг, вопросительно остановились на мече Арея, направленном ему в живот. Глазки моргнули, однако лицо осталось невозмутимым. На грозный меч гость поглядывал с любопытством, но, пожалуй, без страха. Не двигаясь, маленький страж вскинул руку. Его спутники застыли.

– Здравствуй, Арей! – с укором сказал кособокий. – Я думал, ты обрадуешься старому приятелю!

– Старые приятели не ломают дверей. – Арей не делал попыток убрать меч.

– Я постучал. А эти железки... да ты сам все про них знаешь!

– И еще старые приятели не берут с собой наемников!

– Это моя охрана. У меня много врагов. А друзей мало. Но ты один из них, Арей!

Барон мрака взглянул на свой покрытый щербинами клинок и, встав, закинул его на плечо.

– А у меня друг один – вот он. Единственный, к кому я рискну повернуться спиной.

Маленький страж засмеялся.

– Ты всегда был одиночкой, Арей! Но, увы, мы живем в век больших легионов! В одиночку теперь не воюют.

– И с кем ты собрался воевать, Орл?

– Об этом, если не возражаешь, поговорим позже! Ужасно много ступенек... я запыхался... уф... – Подволакивая ногу, кособокий прошел в комнату и тяжело опустился на стул. Его спутники протиснулись мимо Арея и остановились – один справа, другой слева.

Забившись в угол, Добряк затравленно рычал, переходя на вой. Кожа на его морде собралась складками. Наемник с булавой шагнул к псу, но Арей мечом преградил ему дорогу.

– Помогать мне не надо! Когда пес мне надоест, я убью его сам!

– Кто? ВЫ? Только попробуйте хоть пальцем прикоснуться! – взвизгнула Варвара, срываясь с места.

Узкие глазки кособокого вопросительно метнулись с Варвары на Арея. Арей отлично это заметил.

– Варвара! Иди погуляй!.. – приказал он.

– Не надо! – Орл косо улыбнулся сухим ртом. – Пусть останется. Она не мешает.

– Она мешает мне! – возразил Арей. – Варвара, ты слышишь? Уйди!

– Может, это вы погуляете? Выгонять меня из моего дома... – вознегодовала Варвара.

– Варвара! Я тебя очень прошу... Исчезни! – повторил Арей голосом тихим и страшным.

Варвара уступила. Хмыкнув, она схватила Добряка за ошейник и потянула его к двери. Пес продолжал рычать и упираться лапами.

– А ну двинь! Не шлагбаум! Ноги убрал, говорю! – велела Варвара стражу с двумя клинками.

Тот, ухмыляясь, остался на месте. Его дарх корчился на цепи и тянулся к Варваре.

– Девушка просит! Отойди! – быстро сказал кособокий, взглянув на лицо Арея. Наемник неохотно сделал шаг в сторону.

Арей попросил Орла подождать и вышел вслед за Варварой, прикрыв за собой дверь.

– Кто это? Что им надо? – хмуро спросила Варвара.

– Неважно.

– А что важно?

– Варвара! Вызови Корнелия и будь с ним! – приказал Арей.

Варваре показалось, что доктор прописал ей неправильные ушные капли:

– Корнелия? Мне? Вы же не хотели, чтобы я с ним встречалась!

– При чем тут это? Даже на минуту не оставайся одна!.. Сюда придешь, только когда я тебя позову! Если через час я с тобой не свяжусь – не спускайся в переход вообще! Забудь сюда дорогу!

– Ничего себе «забудь дорогу»! Это мой дом!

– Запомни, что я сказал!

Не дожидаясь ответа, Арей развернул Варвару и несильно толкнул ее в спину. Недовольно оглядываясь, она стала подниматься по ступенькам перехода.

Орл бродил по комнате, трогая разные предметы. Увидев Арея, вновь опустился на стул. Арей остановился у дальней стены так, что атаковать его короткими клинками можно было только с подшагом.

– Занятная девушка! С эйдосом и... ведет себя смело. Интересно, она догадывается, на кого фыркает? – поинтересовался Орл.

Маленькие глазки путались в бороде Арея, изредка всплескивая на его лицо.

– Ты пришел, чтобы обсудить со мной *это*? – хмуро спросил Арей.

Голос Орла стал деловитым.

– Не только. Есть и другое. Мы можем быть с тобой откровенными?

– Не можете, – отрезал Арей.

– Почему?

– Не желаю быть сейфом для хранения ненужных мне тайн.

– Все же попытаюсь тебя заинтересовать! – Орл привстал и пальцем неспешно начертил на стене руны против подслушивания.

Арей наблюдал, как руна зреет и жирным пауком замирает на стене. Теперь даже самый любопытный комиссионер не услышит ни звука. Но Арея больше заинтересовало другое. Пока правая рука Орла рисовала руны, левая, стараясь казаться незаметной, прочертила длинным ногтем на штукатурке мелкий значок.

Орл удовлетворенно пригладил бакенбарды.

– Ну вот и готово! Мы здесь потому, что нам надоел Лигул!

Сказав это, кособокий страж быстро выпутал из бороды глазки и встретился с глазами Арея. Тот остался равнодушным.

– И?... – вежливо подытожил мечник.

– Тебе мало? – не поверил Орл. – Мы говорим тебе, что нам надоел Лигул, а ты отвечаешь вялым: «И?»

– Кто эти грозные «мы»? Ты и два твоих друга? – Арей иронично поклонился наемникам.

– Не смейся, Арей! Нас много! Многие еще не определились, но мы уверены: они примут нашу сторону. Лигул сделал мрак бюрократическим посмешищем. Где бывала вольница? Где ночные пирушки, которые бывали при Кводноне? Где разгул, где потоки крови? В наше время вся кровь уходит на чернила!

Спутники Орла согласно закивали, хотя во времена Кводнона их, как адскую мелочь, на пирушки явно не приглашали.

– А как сейчас делят эйдосы? – продолжал накручивать Орл. – Все лучшее Лигул оставляет себе и своим любимчикам! Сколько душ ты отправил в Тартар, Арей? Миллионы! А сколько досталось тебе лично? Жалкие тысячи!

При упоминании об этом взгляды наемников Орла алчно коснулись дарха Арея. В Тартаре ходили слухи, что там, внутри, – одна из лучших коллекций мрака.

– А дуэли? – Орл растянул губы в брезгливой улыбке. – Теперь, чтобы пришить кого-нибудь, нужно полдня заполнять бумаги, а после отсыпать канцеляристу Лигула пятую часть трофейных эйдосов в ненароком приоткрытый ящик! Конечно, если не желаешь неприятностей. Их дархи пухнут от эйдосов, а клинков эта канцелярская сволочь сроду не держала!

Арей зевнул со щелчком челюстей:

– Ну, пансион печальных вдовиц, положим, существовал и при Кводноне. Тогда канцеляристов заставляли носить мечи, но большинство, чтобы не таскать лишний груз, втайне спиливали клинки и набивали ножны тряпками... А что, Орл, твои ночные мальчики тоже заполняют бумаги, собираясь кого-нибудь грохнуть? Могу себе представить, каких усилий им стоит вспомнить буквы!

«Ночные мальчики» зашевелились. На Арея они смотрели как псы, ожидавшие команды «фас».

– Напрасно издеваешься, Арей! Они действительно недовольны Лигулом! Их протест заслуживает уважения! – с укором произнес Орл.

– Чей протест? Их? В недовольстве их суть. Вчера они были недовольны светом, сегодня Лигулом, а завтра будут недовольны тобой. Забудь им заплатить – и посмотри, что произойдет.

Страж с булавой ухмыльнулся. С его точки зрения, только сейчас Арей сказал нечто дельное.

– Мы считаем, что Лигул не так уж неуязвим, – торопливо продолжал Орл. – Разумеется, его хорошо охраняют. Атаковать саму резиденцию безумие, однако в экстренных случаях Лигул покидает ее всего с двумя-тремя десятками охранников. И если подгадать момент, то...

– ...несколько дельных клинков решат дело, если усилить их двумя-тремя арбалетчиками, – прервал Арей. – Конечно, ни один из них не попадет в цель, поскольку охрана Лигула просчитала такой вариант, но в случае действительно серьезной опасности горбун попытается телепортировать. Необходимо лишь создать видимость такой опасности. В момент телепортации возникнет временный провал магического поля и опытный копейщик получит две-три секунды для броска...

Орл схватился за сиденье стула и наклонился вперед.

– Копейщик? Зачем копейщик, если есть арбалетчики?

– Именно копейщик, потому что арбалету не пробить контура рунной защиты. А с мечом к нему не подпустят, – закончил Арей.

Орл переглянулся с «ночными мальчиками».

– Ты что? Сам думал об этом? Об устранении... э-э... Лигула? – спросил он хрипло.

– Когда-то на маяке я только тем и занимался, что мечтал о мести. Времени было – океан. Он же, кстати, и вокруг, – Арей ухмыльнулся. – В среднем я придумал около двух сотен почти идеальных планов. Для лучшего из них нужны были всего шесть исполнителей, из которых гарантированно погибали четыре. Для худшего – около двух десятков, причем погибали все. Тот, что я озвучил сейчас, из средненьких.

– Арей, ты нам необходим! Эти планы... ты их не забыл? – хрипло спросил маленький страж.

Мечник покачал головой.

– Я изменился, Орл! Раньше я хотел власти, теперь не хочу ничего. Оставь меня в покое – и это будет самая большая услуга, которую ты мне окажешь.

– Ты изменился? Невозможно! Меняются люди.

Арей задумчиво разглядывал старомодные пуговицы Орла. В отличие от «ночных мальчиков», хромой страж не был щеголем.

– На какой-то год ссылки... помнится, зимой... я стоял на верхней площадке маяка, глож от ветра и уже собирался уходить. И тут меня посетила совсем простая мысль. Лично для меня каждый следующий повелитель мрака неизменно оказывался хуже предыдущего. И я оставил Лигула в покое. Ты не поверишь, Орл! Я даже сформулировал закон, который нескромно назвал законом Арея: «Любое насильственное изменение данности ведет к ухудшению ситуации, ибо данность есть высшая и единственная возможная реальность».

Орл сидел, сложив на коленях короткопалые руки. Его глазки почти исчезли, остались щелочки.

– Всем известно, что вы с Лигулом враги! – сказал он недоверчиво.

– У меня был один враг – Яраат. С Лигулом же, помнится, я несколько раз беседовал наедине. Уже после маяка. У меня не отбирали даже меча, так что делай выводы сам...

Орл вновь начал приглаживать бакенбарды. В такие секунды он становился похожим на умывающуюся выдру.

– Арей!.. Ты обязан быть с нами! Нам нужен предводитель, которого уважали бы старые рубаки. За тобой пойдут без колебаний. Но все нужно завершить до коронации Прасковьи и твоего боя с Буслаевым.

Арей разглядывал желтую, с подтеками штукатурку. Лампочка качнулась: проехал грузовик.

– А Меф тут при чем? – спросил он равнодушно.

– Коронация Прасковьи не состоится до боя. Все силы Кводнона должны быть сосредоточены в одних руках. Это единственное условие коронации. А раз так, Мефодий обязан умереть. Пусть даже свет заберет его эйдос, неважно – освобожденные силы притянутся к той части, что сейчас у Прасковьи.

Арей пожал плечами.

– Ну и прекрасно! Прасковья так Прасковья...

Орл укоризненно заскрипел стулом.

– Арей! Я тебя не узнаю! Ты собираешься повиноваться человеку, который встанет во главе мрака?

– А что такого?

– Арей!!!

– Не мне, конечно, проникать в высокие замыслы нашего повелителя, но, подозреваю, горбунок хочет показать Эдему, что девушка с эйдосом, возвращенная мраком, ничем не отличается от стража мрака. Это будет болезненный укол. Ведь эйдос – частица абсолютного света. Абсолютного! Даже Троил не содержит в себе абсолютный свет напрямую, а лишь отражает его.

– Но человеку, Арей! Человек – и на престоле мрака!

Мечник равнодушно дернул щекой.

– Что это меняет? Реальная власть все равно останется у Лигула. Он просто уйдет в тень. Только Лигул, как истинное порождение канцелярии, способен внушить нашим чернильницам ужас. Они говорят на одном языке. Нас с тобой, не говоря уже о Прасковье, они обведут вокруг пальца.

Хромой страж несогласно дрогнул бровями.

– Я давно знаю тебя, Орл! В первый день ты устроишь резню. Зарубишь канцеляристов пять, остальные в ужасе разбегутся. На второй день не сможешь найти какой-нибудь бумажонки и волей-неволей пошлешь за закапанной чернилами рожницей. Рожница приведет с собой

вторую, третью... Через неделю все станет как прежде, даже хуже. Пугая тобой, канцеляристы только увеличат поборы. Ах да! Ну и снова начнут носить мечи, набивая ножны туалетной бумагой!

Орл не дослушал его.

– Мы не хотим повиноваться девчонке с эйдосом!.. Не хотим и – баста! Решай, Арей, с нами ты или нет! Посмотри на себя! Ты, как крот, забился в подземный переход! Сколько ты тут просидишь? Месяц? Год? Или, может, Лигул не знает, где тебя искать?

На этот раз Орлу удалось добиться своего: нащупать больное место Арея.

– Хоть мой переход и подземный, но все же повыше Среднего Тартара... – сказал мечник после долгого молчания. – Ну хорошо, Орл: да.

Глазки-копилочки увеличились настолько, что теперь в них проскочила бы и крупная монета.

– Что «да»? Ты с нами? – спросил он, не сумев скрыть возбуждения.

– Это пока размышлительное «да», – охладил его пыл Арей. – Давай рассуждать. Допустим, план сработал. Лигул поймал горбом копьё. Двадцать дюжин его приспешников зарублены. Остальные торопливо вспомнили, что всегда рассказывали про горбуна анекдоты и терпеть его не могли. Дальше что: кто станет во главе мрака?

Орл стал непроницаемым.

– Мрак сам выберет достойного, – сказал он сухо. – Тебе же обещаю, что ты вновь будешь начальником русского отдела. А Пуфса, этого канцелярского выдвиженца, мы четвертуем.

– Я не так жесток. Я отправлю его на Архангельские болота устраивать ночные огоньки. И, если он будет стараться, со временем повышу до рядового лешего, – сказал Арей мечтательно.

– Как хочешь, – равнодушно согласился Орл. – Только с одним условием...

– С каким?

– Тот, кто идет с нами, не может иметь слабостей!

Арей посмотрел на притулившийся в углу бочонок с медовухой.

– Хорошо. Этот допью и брошу, – пообещал он с грустью.

Орл покосился на две глиняные кружки, стоящие на деревянной крышке бочонка.

– А вторая чья?

– Это ко мне пенсионерка приходит. По хозяйству помочь, супчик сварить, – не дрогнув бровью, объяснил Арей.

Мамзелькина повадилась заглядывать к нему в гости почти каждый вечер и засиживалась допоздна. Смертность в мире резко уменьшилась, что позволило сразу двум экстрасенсам заявить об астральном прорыве человечества к бессмертию, формировании *homosuperior* как отдельного вида и о своих собственных скромных заслугах в этом направлении.

Правда, уже на следующий день один *homosuperior* умер от инсульта, а второй непонятным образом улетел на машине с моста. Аида Плаховна сожалела, что перепутала разнарядки. Она написала Лигулу заявление об уходе, однако заменить старушку было нечем, и все ограничилось выговором.

Зоркие щелки глаз Орла перепрыгнули с бороды на ноздри Арея, с ноздрей на скулы и со скул на лоб. Контакт глаза в глаза они упорно избегали.

– Ты не понял, Арей! Медовуха не слабость. А если и слабость, то простительная. Слабость – привязанность к человеку с эйдосом, – вкрадчиво сказал Орл.

Арей удручился.

– К Буслаеву? Да, есть немного. Синьор-помидор долго был рядом. Способный ученик. В лучшие его месяцы из ста боев со мной он смог бы выиграть два. Жалко убивать. Со временем из него вышел бы толк, хотя человеческие тела удручающе недолговечны.

– Не к Буслаеву, Арей!

– К Улите? Она, конечно, человек, но все же ведьма и образцовая секретарша...

Орл поморщился.

– Я говорю об этой девчонке, Варваре!

– О ВАРВАРЕ? Так вот почему ты хотел, чтобы она осталась, – раздельно сказал Арей.

Маленький страж вскинул голову. Крокодиля складка на подбородке исчезла. Двойной подбородок перешел в одинарный.

– Возможно, тебя это не обрадует, но суккубы в Верхнем Тартаре уже продают ее фотографии. Ты как-то поцеловал ее в лоб. Этот момент и запечатлен. Очень патетичный снимок. Я лично зарубил суккуба, который пытался мне его продать.

– Ты ограничил мою благодарность своей болтливостью, Орл, – холодно сказал барон мрака.

– Подумай, Арей! Пока она с тобой рядом, ты посмешище! Лучший меч мрака, как бобик на привязи, пляшет под дудку девчонки! Никто из старых рубак не встанет под знамя такого предводителя!

Арей разглядывал свою левую ладонь, в задумчивости касаясь ее длинным ногтем мизинца.

– Я не пляшу ни под чью дудку!.. Проклятая мозоль! И откуда она только берется?

Пустив в ход зубы, он стал ее обгрызать. Наемник с двумя клинками безглаголиво поморщился. Прежде он много слышал об Арее, а тот оказался грузен, нерешителен и смешон.

– В Тартаре считают иначе. Вспомни Стеньку Разина! Не стража даже – человека! Не швырни он за борт персидскую княжну, кто пошел бы за ним? Проснись, Арей! – крикнул Орл.

Его пламенная речь не согрела слуха мечника.

– Так что мне сделать-то с Варварой? – поинтересовался он с интонацией, неуловимой для всякого, кто плохо его знал.

– Решайся, Арей! Ее эйдос – и муравейник успокоится. Рубаки вновь начнут тебя уважать. А тело сможет служить мраку и дальше, как получилось с Улитой. Привязанность к мясу никого из наших всерьез не волнует.

– Мясо без эйдоса – говядина, умеющая читать и писать. Она временна. Вечности у нее нет, – сказал Арей безглаголиво.

– С Улитой это тебя устраивало, – возразил Орл.

Арей ничего не ответил. Орл принял молчание за готовность уступить.

– Не обманывай себя! Нам нужен предводитель, которого ничего не держит! Предводитель, который не повернет назад и даже мыслями не будет привязан к бабьей юбке!

– Оставьте Варвару в покое! – произнес Арей тихо и почти просительно.

Орл упрямо покачал головой.

– Нет! Я спущусь в Тартар только с тобой и с эйдосом Варвары!

Арей приподнял брови.

– Я правильно понимаю: это угроза?

– Ты уже слишком много знаешь. – Орл многозначительно замолчал.

Арей вздохнул.

– Есть в отношениях вещи, которые нерационально выговаривать до конца, потому что в конце тупик... – Мечник не сделал ни подшага, ни замаха, ни даже движения плечом. Клинок, лежащий на его коленях, скользнул параллельно полу и врезался на палец ниже правого бакенбарда Орла.

Однако голова маленького стража осталась у него на плечах. Что-то остановило меч Арея в сантиметре от цели. Орл даже не попытался встать.

– Ты не поверишь! Я был близок к тому, чтобы испугаться, – сказал он с искусственным смешком.

Арей нанес ему еще один быстрый удар. И снова неведомая сила отбросила клинок. На этот раз Орл даже не моргнул. Взгляд Арея скользнул по его пустым ладоням. Наемник слева от Орла, скалясь, поигрывал булавой. Зрачки птичьей головы сверкали драгоценными камнями.

– Орлиная голова! – пробормотал Арей.

– Разобрался, наконец! – одобрил Орл. – Булава с орлиной головой – единственный артефакт мрака, блокирующий твой меч! Нам пришлось облазить все лавки старьевщиков Среднего Тартара. Нелегкая работенка! Видел бы ты, в каком она была состоянии! А камни! Вообрази: этот негодяй пытался их подменить!

– Вот так признание! А я-то удивлялся, когда ты успел осмелеть, Орл! – сказал Арей.

Кособокий страж встал. Его спутники не спускали с Арея глаз.

– На всякий случай: телепортировать бесполезно. Ты погибнешь!

– Само собой. Я видел, как ты начертил блокирующую руну, – кивнул Арей.

– Видел? – удивился Орл. – И тебе это не показалось подозрительным?

Арей не ответил. Его палец скользил по рукояти меча, точно прощаясь с ней.

– Не обижайся, Арей! – продолжал Орл, оправдываясь. – Я обязан был все предусмотреть. Я старый, неповоротливый, хромой... Где мне с тобой тягаться? Не умею я думать, меня давно бы убили. Мы действительно надеялись договориться, Арей! Никто не думал, что ты окажешься таким сентиментальным. Теперь, конечно, всякому сотрудничеству конец.

Арей посмотрел на щеголеватых наемников. Внешне расслабленные, они ловили взглядом всякое его движение. Грамотные ребята.

– Ты связался с охотниками за дархами, Орл! Вот где корни твоей ненависти к горбунчику!

По лицу Орла скользнула тень. Для стража старой закалки быть названным «охотником за дархами» хуже, чем поймать «подлеца». «Охотниками» обычно становятся никчемные стражи, не способные добыть эйдосы на честной дуэли и слишком глупые для того, чтобы выцганить их у людей. Охотник за дархами убивает в спину, из засады, ядом, удачно подбренным артефактом – чем угодно. Его цель – получить эйдосы из чужого дарха.

– Сколько ты им обещал моих эйдосов? Половину? – насмешливо спросил Арей.

Орл с тревогой покосился на наемников. Видно, обещано было меньше.

– Неважно, – торопливо сказал он. – Эйдосы можно добыть двумя способами. Первый – занудный: трудиться самому. Второй, вот любимый, найти того, у кого много эйдосов в дархе, и помочь ему расстаться с ними и заодно с головой.

– Я никогда не выбираю себе противников по этому принципу, – возразил Арей.

– Но и дархами их не брезгуешь, – уточнил Орл. – Я что-то путаю или у тебя одна из лучших коллекций мрака? Из рубак, конечно. О Лигуле умолчу... Давайте, ребята!

Охотники стали придвигаться к Арею. Спешки в их движениях не было. Однако прежде, чем они оказались рядом, Арей швырнул свой бесполезный меч в наемника с двумя клинками и грузно прыгнул на Орла. Стул, который он задел, встал на две ножки, покачался в нерешительности и, наконец, упал. Сцепившись, оба стража покатались по полу и остановились лишь у дивана. Орл, оказавшийся снизу, хрипел и большими пальцами пытался дотянуться до глаз врага. Арей, навалившись, давил Орла цепью его дарха.

Наемники переглянулись. Тот, что с булавой, ногой отбросил меч Арея. Другой сгреб барона мрака за волосы и запрокинул голову назад. Хрустнули позвонки. Резко обозначились сизые жилы на напряженной шее. Быстрым вороватым движением страж провел клинком от уха до уха. Сделав это, он резко, не желая испачкаться кровью, оттолкнул от себя голову Арея. Что-то забулькало. По телу мечника пробежала дрожь, однако рук он не разжал, а только еще больше навалился на залитого кровью Орла.

Тартарианец отступил на полшага. По его опущенному клинку ползла единственная черная капля. Наемник стряхнул ее, коротко замахнулся и резким, отработанным ударом сверху

вниз вогнал клинок через левую ключицу в сердце Арея. Сделав это, отвернулся и пошел. В его движениях была картинная небрежность профессионала, завершившего дело и не нуждающегося в проверке результата.

Спохватившись, что барон мрака убит без его участия и нечем будет похвастать, наемник с орлиной головой заспешил. Рванулся к Арею и булавой ударил его в висок.

Орл, залитый кровью и придавленный телом Арея, неуклюже выбирался. Цепи дархов спутались. Дархи сражались, как две пиявки, переплетая друг друга. Орл, вынужденный стоять на четвереньках над трупом, нетерпеливо дернул за цепь, растащив их.

– Долго возились! Меня едва не прикончили! – пожаловался он, кашляя и растирая шею.

Опьяненные кровью наемники что-то забормотали в свое оправдание. Орл уперся коленом в спину Арея и с усилием выдернул торчащий в его теле клинок.

– Мясник ты, братец! Зачем так глубоко-то? Не учат вас штыковому бою, – ворчливо сказал он.

Страж, чей клинок держал в руках Орл, протянул за ним руку. Однако кособокий медлил его отдавать.

– Хорошая сталь! Я даже, кажется, узнаю кузнеца... А вот заточка мне не нравится. Я еще понимаю: точить сабли или кинжалы, чтобы они перерубали волос, но полумечи – их-то за что терзать? Такая заточка сбивается после первого же боя – что в ней толку?

Наемники обменялись вопросительными взглядами. Такие разговоры были не в духе хромого стража. Орл с усилием провел рукой по лицу, стягивая его с себя, точно маску. Когда он опустил руку, перед тартарианцами стоял Арей. Страж с булавой попятился. Споткнулся о тело и упал на настоящего Орла, мертвого, как после недружественного визита Аиды Мамзелькиной.

Арей поднял ладонь. Прямо у пальцев, на подушечке, которую он недавно грыз зубами, острым ногтем были процарапаны два треугольника, соединенные волнистой прямой.

– Морок! – пояснил Арей. – Когда двое катаются по полу, их непросто различить. Правда, были неприятные моменты. Я так старательно поддавался, что Орл действительно чуть меня не придушил!

Страж с коротким мечом с громким криком бросился на Арея. Впервые за историю своего существования парные клинки-близнецы выступили друг против друга. Они успели встретиться трижды. Затем Арей шагнул навстречу удару, продавил защиту и вогнал клинок в глазницу своего противника.

Теперь остался только один – с орлиной булавой.

– Дерись! – приказал ему Арей. – Насколько я понимаю, этот клинок твоя булава не блокирует?

Охотник за дархами сражался отчаянно, не ожидая пощады. Булавой он владел недурно, и Арей, вынужденный сражаться чужим мечом, провозился с ним почти четверть минуты.

Когда все было кончено, Арей выпрямился и, вытерев мокрое лицо, отбросил чужой клинок. Установившуюся тишину нарушал негромкий трущийся звук. Дархи, прикованные к своим хозяевам, бились на цепях, пытаясь отползти и спрятаться.

Мечник направился было к дархам, но, о чем-то вспомнив, вернулся и поднял с пола булаву. Орлиную голову он расплющил несколькими ударами о стену. Саму булаву сломал и, сложив обломки в кучу, поджег. Пламя, черное, бездымное, непроницаемое, липкое, как смола, не нуждалось в веществе для горения – истинное пламя, пылающее в трещинах на дне Нижнего Тарара.

Арей отодвинулся в дальний угол комнаты, отвернул лицо. Он не любил напрасного риска. Даже капля этого огня, попав на кожу, прожигает до кости. Когда спустя несколько секунд пламя опало, от булав не осталось даже пепла.

– Вот и все! Теперь ты снова самый сильный! – сказал Арей своему мечу и занялся дархами.

По очереди сдергивая их с шей у наемников, Арей бережно, чтобы не смешать с эйдосами осколки, раскалывал дархи снятым с пояса Орла кинжалом и пересыпал трофеи в собственный дарх. На несколько секунд замирал с закрытыми глазами, ощущая сухое, палящее возбуждение, понятное только стражам мрака.

Так продолжалось долго. Даже четверть часа спустя Арей ползал на четвереньках и выбирал из осколков дархов последние высыпавшиеся эйдосы.

* * *

Металлические двери не скрипят – они повизгивают. Барон мрака резко обернулся, напаривая лежащий на полу меч. На заглянувшего в комнату Корнелия уставились глаза зверя. В них не было выражения, блеска, колебания. Даже злости. Пустой, ясный, деловитый взгляд.

Корнелий, редко размышлявший о глобальном отличии света и мрака, впервые осознал, что такое разные плоскости мышления. Сострадание – качество, коренящееся в абсолютном свете и только от него приходящее. Если связь со светом нарушена, невозможно и сострадание. Оно оказывается вне системы нравственных координат – как сейчас Корнелий для Арея. Мечник шагнул к нему, рванул Корнелия за руку с флейтой и, точно морковку, продернув его в комнату, приставил к горлу клинок. Корнелий ощущал узкий холод на шее и не понимал: может, это уже порез? Может, он ранен?

– Я свой! – торопливо промямлил Корнелий, чувствуя, что его жизнь висит на волоске.

– Моих у света нет! – отрезал Арей, алчно разглядывая крылья на шее у Корнелия.

– Я пришел сражаться! Где они? На шесть и по хлоп... – Корнелий осекся. – Сколько их было? Варвара сказала: трое! – Связой света со страхом посмотрел на кучи, сохраняющие форму тел. Их тоже было три.

Арей не то оскалился, не то улыбнулся. Все же связой света почувствовал, что имя «Варвара» подействовало на него успокоительно и стало для Корнелия пропуском в жизнь. Мир Арея представлял собой огромное, темное, раздувшееся «Я». И все, что за его рамками, для Арея не существовало. Одна только Варвара мерцала внутри этого ночного «Я» крохотным островком света.

Ручища Арея, державшая Корнелия, разжалась.

– Где Варвара?

– Я оставил ее наверху, с собакой. Я честно хотел помочь! – сказал Корнелий, переводя дух.

– Очень своевременно! Иди к ней! Я позову Варвару, когда наведу порядок. И запомни: ты ничего не видел! Они погостили и ушли.

Ссыпав эйдосы, Арей внимательно оглядел ладонь. Случалось, эйдосы прилипали к влажной коже.

– Вы их поработаете! – с болью произнес Корнелий.

Арей провел пальцем по изгибам своего сытого дарха.

– Тебя это удивляет? Я барон мрака.

На полу остался единственный эйдос, блестевший в пыли как крупинка золота. Корнелий и Арей заметили его одновременно. Корнелий метнулся его поднимать, но Арей безжалостно наступил ему на пальцы.

– Руки прочь! Мое! – потребовал он.

Морщась от боли, Корнелий вскинул голову. В его глазах дрожали слезы.

– Оставьте мне хотя бы этот! Я отнесу его свету! Смотрите, как он мерцает! Ему больно! Он много страдал у них в дархах. Разве вам мало того, что вы сегодня получили?

– Кому было больно? Ему? Да что ты знаешь о боли? О голоде, который невозможно утолить? Да всех эйдосов мира не хватит, чтобы наполнить пустоту единственного дарха! – Оттолкнув Корнелия сапогом, Арей наклонился и отправил последний эйдос в свою корчившуюся от удовольствия сосульку.

Снова наклонился, рывком привел Корнелия в горизонтальное положение и отряхнул плечо, на котором остались следы подошвы.

Корнелий понуро ушел. Арей стал быстро наводить порядок. Он стремился, чтобы к возвращению Варвары не осталось никаких следов боя. Мечник почти закончил, как вдруг на глаза ему попался платок, выпавший из кармана Орла. Большой мужской платок с порезом в центре и бурым пятном вокруг.

Арей хотел бросить его сверху других вещей, обреченных на сожжение, но понял, что платок прирос к его ладони. Мечник попытался сорвать его свободной рукой. Бесполезно. Кинжал его не резал, вода не смывала. Даже укол краем дарха – сильнейшее средство – оставил на платке лишь едва заметную точку.

С огромной осторожностью Арей вызвал крошечную искру черного тартарианского пламени. Огонь коснулся края платка и смолянистой каплей стек на пол. Арей поспешно убрал ногу и осмотрел платок. Тот даже не опалило.

Арей не любил признавать свое поражение, но не любил и обманывать себя. С этим платком Орл его провел. Дальше будет только хуже. Платок уже, удлиняясь, туго обматывал руку, ложась слой за слоем, как египтяне пеленали свои мумии. Еще несколько часов – и он опутает все тело Арея, и тогда только ленивый не смахнет с него голову или не сдернет с шеи дарх.

Найдя на платке руну, Арей обвел ее пальцем. Платок соскользнул на пол.

– Ну! – сказал Арей. – Я готов! Вызывай того, кого должен!

За спиной у него шевельнулся воздух. Барон мрака резко повернулся. Посреди комнаты покачивалась серая тень, не имевшая лица. Сквозь ее спину просвечивала стена с плакатом гражданской обороны. Сидящий в кустах автоматчик бледным пунктиром метко стрелял в мотоциклиста. За спиной у мотоциклиста прорастал атомный гриб. Двое солдат в плащ-палатках любовались им правильно – лежа в ямке головой к взрыву, третий же влез на дерево и был за это зачеркнут красным крестиком.

Тень покачнулась и ветром повлеклась к Арею. На ходу она разделялась: и тогда Арею начало казаться, что теней много – не меньше семи. Мечник требовательно выставил навстречу ему ладонь:

– Ты лишенец, существо, наказанное мраком! Остановись! Это приказ!

Тень остановилась. От нее исходили волны то холода, то жара. Стоявший на столе стакан вначале покрылся изморозью, а потом, почернев, осыпался.

– Отвечай мне! Зачем Орл нарисовал на платке защитную руну? – крикнул Арей.

– *Он боялся*, – хором звучащих слитно голосов отозвалась тень.

– Кого? Тебя?

Лишенец вгляделся в него провалами глаз. Арею показалось, что на него смотрят семь стертых, неузнаваемо расплывчатых лиц.

– *Нет*.

– А кого? Отвечай!

– *Орл боялся тебя, Арей, и хотел отомстить, если погибнет!* – Голос лишенца заползал в уши, как могильная сырость.

Барону мрака не понравилось, что тень знает его имя. Тени забывают все. Нужен очень веский повод, чтобы они кого-то запомнили. Таким поводом могут стать любовь или ненависть. Но любовью тут не пахло.

– Почему Орл был так уверен, что ты сумеешь отомстить? Ты тень, а я страж мрака!

– *У меня есть над тобой власть. Орл сплел меня из теней тех, кого ты зарубил.*

– Очень мило с его стороны.

– *Мы не забыли, кто рассек наши тела и сорвал дархи! За это мы отнимем у тебя то, что тебе дороже всего*, – прошелестел лишенец. Он постоянно перескакивал с единственного числа на множественное.

– Мне ничего не дорого! – вздрогнув, сказал Арей.

Призрак укоризненно качнулся.

– *Не обманывай! Ложь – тень правды, а о тенях нам известно все!*

Арей не стал тратить время на замахи. Меч, полыхнувший в его руке, рассек тень от плеча и до пояса. Тень опустила голову и грустно поглядела на рану. Порез на груди быстро затягивался серым туманом.

– *Когда-то этот меч уже убил нас. Второй раз не сможет. Тень можно убить только тенью меча.*

– Подсказываешь? Зачем? – Арей снова махнул клинком. На этот раз между серой фигурой и раскачивающейся на проводе лампой. Тень меча скользнула по шее призрака.

Тень погрозила барону худым пальцем.

– *Не так быстро! Нельзя убить безымянного!* – сказал лишенец и точно сквозняком повлекся к двери.

– Как тебя остановить? Отвечай! – крикнул Арей.

От двери послышался собачий лай. Варвара стояла рядом с Добряком и держала пса за ошейник.

– Корнелий сказал: все ушли! А с кем вы разговариваете? – удивленно спросила она. Тени она не видела, хотя та была перед ней.

Тень оглянулась на Арея и, насмехаясь, обняла Варвару за плечи.

– *Ты должен вспомнить того из нас, кого убил безвинно, и назвать его имя. Попытка только одна. Если ошибешься – она умрет*, – сказал призрак и исчез.

Глава 2

Ночной гость

*Неблагодарный усопшему Государю будет неблагодарен
царствующему.*

Из письма графа А. В. Суворова к Д. И. Хвостову

О том, что в Москве день мало чем отличается от ночи, Эссиорх догадывался и прежде, но впервые ясно осознал сей факт первого октября, когда в половине четвертого утра попал в пробку при выезде на Садовое кольцо. Мотоциклисту пробка не страшна, и он объехал ее, лавируя между автомобилями.

Пробка возникла из-за аварии. Девушка девятнадцати лет на большом джипе подшибла сразу четыре машины, заперлась в автомобиле и трусливо звонила маме. Мужики из подбитых машин грустно бродили вокруг джипа и пытались заглянуть внутрь сквозь тонированные стекла.

Эссиорх притормозил, раздумывая, не следует ли помочь девушке, но, мимоходом подслушав ее разговор со свежеразбуженной мамой, осознал, что помогать надо, скорее, мужикам. У Эссиорха стало гадко на душе. Превратить родительское чувство в уродство мрак сумел только в двадцатом веке. При этом, глумясь, Лигул ухитрился оставить у того, чем оно стало, название «любовь». Свет дает человеку любовь с запасом, на много детей. Человек же расходует все на одного. В результате получается бредовая ситуация сверхзаботы, при которой растения поливаются не водой, а концентрированными удобрениями.

Выехав на Садовое кольцо, Эссиорх притормозил за первым светофором, чтобы дожидаться Угрюмого, которому коляска мешала маневрировать. Слез с мотоцикла, разогнул спину, привычно выругал себя, что врос в тело, как дерево вырастает корнями в землю. А ну как велют его оставить и вернуться в Прозрачные Сферы? И так задержался уже в человеческом мире, привязался к телу, хотя правилами Прозрачных Сфер предписывается пользоваться им без привыкания. Только в этом случае расставание с телом происходит безболезненно: рассыпаясь на атомы, оно не захватывает с собой приросших кусков души.

У ресторанчика три пьяных мужика весом за сто кило каждый ловили такси, поддерживая друг друга под локти. Вначале остановилась «Волга», за ней «девятка», и вдруг, повернув через двойную сплошную, вылетела маленькая рыженькая «Ока».

Мужики забили на «Волгу» и с восторгом начали втискиваться в «Оку». Втискивались долго, с хохотом, но в результате успешно. Слышны были крики: «Во, командир! Мощно!» Уехали.

Эссиорха кто-то окликнул. Угрюмый, приятель Эссиорха, был лысым байкером с длинной белой бородой. Чтобы борода не мешала, он застегивал ее на молнию в нагрудном кармане. Из коляски его мотоцикла «Урал» вечно выглядывала морда большой серой дворняги. У дворняги был перебит позвоночник. Бегала она на двух передних лапах, а задние волоклись прицепом, как павлиний хвост. Чтобы они не стирались об асфальт, Угрюмый упаковал их в брезентовые чехлы с пристроенными колесиками от пылесоса.

Подъехав к Эссиорху, бородатый байкер слез с мотоцикла и походкой, объединяющей наездников и мотоциклистов, потопал в киоск купить воды. Эссиорх стал гладить пса по желтоватой полосе, шедшей от носа ко лбу. Пес жмурился от удовольствия, положив морду на железо коляски.

Угрюмый подошел сзади и остановился, с удивлением глядя на пса. В руке у него шипела и плевала газом наполовину открытая минеральная вода.

– Ты первый чужак, на кого он не рычит. Почему? – спросил он.

Эссиорх обернулся.

– Не знаю. Может, еще зарычит?

– Уже не зарычит. Он тебя любит, – уверенно сообщил Угрюмый. – Знаешь, зачем я таскаю его с собой? Я никому не говорил, но раз он тебя полюбил...

Эссиорх перестал гладить собаку по желтоватой полосе и стал гладить за ушами. За правым ухом псу было гладиться приятно, а за левым не очень, и он поворачивал морду, подставляя правое.

– Это самая большая ошибка моей жизни, – пояснил Угрюмый, сворачивая бутылке пробочную шею. Бутылка пшикнула и издохла.

– Сбил его на мотоцикле? – спросил Эссиорх, пытаясь угадать.

– Хуже. Я пил. Продал из дома все, что возможно. Остались кровать, плита, холодильник и кое-что по мелочи. Приходил под утро, дрался. Жена и сын терпели, а потом стали меня прогонять. Тогда я взял этого пса за задние лапы – а ему тогда было месяца четыре – и вышвырнул с третьего этажа. Прямо через стекло. – Угрюмый присел перед коляской на корточки и стал дуть собаке в ноздри.

– Потом спустился, чтобы закопать, взял его за переднюю лапу, а он лизнул мне руку... Понимаешь, не укусил, а лизнул!.. – закончил он.

Догадавшись, что речь идет о нем, пес вытянул морду и заскулил.

– Никогда не знаешь, чем человек зацепится за жизнь, когда падает в пропасть, – сказал Угрюмый. Кивнув Эссиорху, он оседлал «Урал», завел и уехал. Морда пса подпрыгивала в красной коляске. Пес был доволен. Если бы у него работал хвост, он наверняка вилял бы им.

* * *

Подъехав к дому, Эссиорх припарковал мотоцикл и для безопасности приковал цепью к липе. Главный недостаток лукоморской цепи – она из чистого золота. Чтобы никого не смущать, Эссиорх приобрел банку черной краски и засадил Улиту трудиться. Улита пыхла два вечера подряд, старательно прокрашивая все кольца изнутри и снаружи, и лишь на третий вечер ее осенила гениальная мысль, что цепь можно просто окунуть в краску.

Проверяя, хорошо ли защелкнулся замок, Эссиорх ощутил на себе чей-то взгляд – плотный и зоркий. Стараясь не выдать себя, Эссиорх спрятал ключ и неторопливо обернулся, готовый, если потребуется, резко броситься в сторону.

На скамейке перед подъездом сидел небритый мужик в лыжной шапке, кирзовых сапогах и ватнике. Руки у мужика смирно лежали на коленях. В правой что-то поблескивало. Скорее всего, бутылка.

– Ходят тут всякие! Мотоциклами трещат! Взять бы ноги и оторвать! – жизнерадостно поделился мужик.

– А почему ноги? Не руки, не голову? Вариантов же масса!

Выигрывая время, Эссиорх попытался прощупать мужика, но наткнулся на что-то непроницаемое, что могло быть идеальной защитой, а могло – обычной алкогольной мутностью сознания.

– Да потому что! – отозвался мужик еще жизнерадостнее.

Эссиорх осторожно приблизился. То блестящее, что в первую секунду он ошибочно принял за бутылку, оказалось флейтой с примкнутым штыком.

Мужик в лыжной шапке встал. Ватник у него на груди распахнулся. На шее Эссиорх увидел золотые крылья. Причем не просто золотые, но с небольшим серебряным ободком у основания. Перед ним стоял страж второго ранга с отличием за мужество.

Эссиорх узнал его. Златокрылый из личной охраны Троила по имени Анний. Раз в десять лет они собирались в Эдеме и ласточкой ныряли с водопада. Чтобы верно представить его

масштабы, достаточно упомянуть, что известный Ниагарский водопад является его рабочим макетом, который пожалели выбрасывать и установили на земле. Так вот этот Анний вечно брал в прыжках золотые медали.

– Ватник! – сказал Эссиорх.

Анний посмотрел на себя и засмеялся.

– Обычная история! Вначале мне пытались всучить мундир пехотного поручика. Затем кафтан и лаковые сапоги. И лишь когда я надавил, выдали это! Сказали, что писк моды. А что, уже нет?

– Ну как тебе сказать... Есть вещи, которые выше моды, – уклонился от ответа Эссиорх.

Реквизитчики из Эдема выбирались в человеческий мир редко. Кто-то при князе Владимире, кто-то при Василии Шуйском. Самый юный сотрудник костюмерного отдела побывал в командировке на Олимпиаде-80 и вернулся в Эдем в твердой уверенности, что златокрылым патрульных служб нужно выдавать исключительно майки с медвежатами и красно-белые кеды.

Мрак, понятное дело, потешался, но лишь до тех пор, пока в лопуховидной газете не появилась небольшая статейка. Озаглавлена она была «Накачанные вундеркинды» и рассказывала, как в парке культуры им. Горького Макса три длинноволосых флейтиста в олимпийских майках раскидали четверых неформалов, вооруженных железной арматурой. Как меч можно принять за арматуру, осталось загадкой. Правда, единственной, кто видел все от начала и до конца, была бабулька, продающая билеты на американские горки, которые в Америке почему-то называют русскими.

Анний продолжал разглядывать Эссиорха.

– А чего ты тут делаешь? – помявшись, спросил тот.

– Сижу вот. На звезды смотрю. А что, нельзя?

– Ну почему? Тебе все можно! – И, утвердив за ним право смотреть на звезды, Эссиорх зашел в подъезд.

У почтовых ящиков ему попались еще два странных типа: один в оранжевой спецовке дорожного рабочего, другой в докторском халате со стетоскопом на шее. Оба сидели на ступеньках и играли в трехмерные шахматы, которые всякому нестражу показались бы двухмерными.

Рядом на ступеньке были художественно установлены две кефирные бутылки с переклеенными пивными этикетками и тут же, на серебряном блюде, – разделанный осетр. Реквизитное бюро всегда тщательно заботилось о деталях. Данная композиция называлась: «Культурный отдых в подъезде после рабочего дня».

Увидев Эссиорха, доктор привстал и поклонился, пропуская его.

– Не хочу показаться назойливым, но разве звезды отсюда видны? – вежливо поинтересовался Эссиорх.

Доктор и дорожный рабочий уставились на него с недоумением. Это были страж второго ранга Фенгюс и страж третьего ранга Арлон. Оба, по странному совпадению, с отличием за мужество.

Эссиорх окончательно настроился не удивляться, но все равно челюсть у него заняла самое нижнее положение, когда на площадке перед квартирой он обнаружил каменного грифона. При переходе в человеческий мир грифон уменьшился в размерах настолько, что поместился в подъезде. Кроме того, он ожил, обрел плоть и кровь.

Грифон – это уже тяжелая артиллерия. Даже Арей предпочел бы сделать крюк, только чтобы с ним не сталкиваться. Услышав шаги, грифон приоткрыл левый глаз. Теперь, чтобы войти в квартиру, Эссиорху предстояло протиснуться с ним рядом и, возможно, даже коснуться грудью его перьев.

Эссиорх знал, что мимо грифона не может пройти никто враждебный свету или имеющий малейшую нечистоту в мыслях. Никакой вражды к свету у Эссиорха, понятно, не было, а, с

другой стороны, сегодня он променял байкеру-чайнику два копеечных топливных фильтра на одно новое сцепление, так что некоторая накипь на совести все же присутствовала.

– Привет! – бодро обратился Эссиорх к грифону. – Лежим?

Грифон наблюдал за ним круглым, точно куриным глазом.

– Не подвинешься? – продолжал Эссиорх с такой же преувеличенной приветливостью.

Грифон не подвинулся. Эссиорх ощутил себя полным дураком. Заговорить зубы грифону невозможно. Обидеть невозможно. Разозлить. Подкупить. Задобрить. Грифон видит твою суть и поступает с тобой так, как заслуживает того твоя суть. Вот и все. А даешь ты ему с лицемерной улыбочкой куриные котлетки или, считая это остроумным, размахиваешь перед его носом боевым топором – для грифона второстепенно. На окончательное решение это никак не повлияет.

Выдохнув, Эссиорх сделал шаг. Затем еще один. Теперь он стоял так близко от грифона, что ощущал жар его тела. Грифон по-прежнему не шевелился. Набравшись храбрости, Эссиорх коснулся ладонью основания его крыла. Крыло было прохладным, а перья упругими и жесткими. Грифон закрыл глаз.

– И правильно! – одобрил Эссиорх. – То сцепление на немецкий мотоцикл все равно не подошло бы! Вообще не пойму, где он его взял!

Грифон снова распахнул глаз и чуть повернул голову.

– Ну хорошо-хорошо! Договорились: я найду того парня и подарю ему кожаную торбу на багажник, – поспешно пообещал Эссиорх и, пока грифон не раздумал, прошмыгнул в квартиру.

В коридоре хранителю попался Корнелий. Размахивая руками, он выглядывал из комнаты. Лицо у Корнелия было очумелое, а глаза круглые, как у грифона. Эссиорх отодвинул Корнелия и прошел на кухню, сквозь застекленную дверь которой лился свет.

Здесь он увидел Улиту, сидевшую за столом и резавшую лук.

– О, привет! Это ты! – сказал он с облегчением.

– Это я! – не поднимая головы, подтвердила Улита.

К стуку ножа о доску примешался дополнительный звук. Кто-то стоял у плиты и, надкалывая яйца о край сковороды, жарил яичницу. Эссиорх осторожно выдвинулся из-за холодильника, закрывавшего ему обзор. Тот, кто стоял у плиты, был очень занят. Мешающую цепь с золотыми крыльями он закинул за спину. Смуглая лысина целеустремленно поблескивала.

Почувствовав, что на него смотрят, он обернулся. Перед Эссиорхом стоял генеральный страж Троил.

– Сколько тебе яиц? Четырех хватит? – поинтересовался он.

Эссиорх был так ошарашен, что вместо слов показал три пальца.

– Молодец, – одобрил Троил. – Так вернее! На пальцах не ошибешься... Ну садись!

Эссиорх послушно опустился на табуретку. Улита сидела неподвижно, только нож с равномерным звуком рассекал лук. Глаза у нее были сухие, но растертые, часто моргающие, с красными прожилками. Пухлые щеки с суровой складкой. На правой щеке примятость с оттиснувшимся перстнем. Такое случалось с Улитой, когда, рыдая, она терла лицо рукой с кольцами. На полузакрытых веках – свинцовые, спешно наложенные тени.

«От лука так не плачут!» – подумал Эссиорх со смущением.

Он знал, что Троил не из тех, кто будет мчаться из Эдема в ночную Москву, чтобы довести до слез не до конца завязавшую ведьму. Значит, дело в другом.

– Давно вы здесь? – спросил Эссиорх.

Троил перевел взгляд на висевшие в кухне часы. Они жили в полной тишине, но раз в минуту резкий и внезапный щелчок бросал вперед минутную стрелку.

– Где-то с одиннадцати. Между прочим, они на полторы минуты спешат.

«Пять часов! Улите-то, понятно, не до того было. Но Корнелий мог бы со мной связаться! Ну и схлопочет он у меня!» – подумал Эссиорх.

За окном кто-то закричал совой. Сове откликнулся зовущий самку лось. Тут же с соседнего чердака торопливо закричала уточка.

Троил засмеялся.

– Для центра Москвы больше подошли бы милицейская сирена и лязг мусорных машин... Мальчишки играют в секретность. Скольких ты встретил?

– Трое плюс грифон.

Троил кивнул.

– Все правильно. Ты заметил только тех, кого требовалось заметить. Держи! Готово!

Генеральный страж подбросил яичницу на сковородке и мгновенно поймал ее в подставленную тарелку. Эссиорх не рискнул бы повторить то же самое без тренировки. Мастер – он во всем мастер.

Троил стоял и, скрестив на груди руки, наблюдал, как Эссиорх ест яичницу.

– Ну и живешь ты, однако! – рассуждал Троил. – Масла растительного – нет. Картошки – нет. Томатной пасты тоже нет. Пришлось златокрылых в магазин гонять, а у них только царские червонцы... В общем, приключение. Что скажешь в свое оправдание, хранитель Эссиорх? Когда ты в последний раз заглядывал в холодильник?

– Ну... э-ээ... давно... – замялся Эссиорх, смущаясь признаться, что Улита таскает из ресторанчиков обеды.

– Вот и я о том же! – удовлетворенно произнес Троил. – Лучшее оправдание – вовремя сделать телячьи глаза! Всем кажется, что, наплевав на себя, мы автоматически делаем свету огромное одолжение. «Перестану бриться, брошу мыть посуду – и все сразу поймут, что я выше быта...»

Эссиорх засмеялся. Даже когда Троил ворчал, от него исходила любовь, наполнявшая и согревавшая всех, кто находился поблизости. В такие минуты ничего другого не хотелось: только быть рядом и чтобы на тебя вечно ворчали.

– Доел? Идем!.. А ты, милая, прекращай лук терзать – принимайся за морковь! Потом поджаришь все до золотистой корочки! – ласково сказал Улите Троил и, потрепав ее по плечу, вышел из кухни.

Оглянувшись на подозрительно послушную Улиту, Эссиорх последовал за генеральным стражем. Троил зашел в комнату, посмотрел на заваленные книгами стулья и сел на подоконник, спиной к стеклу.

– А ну-ка, ребята! Буквально на пять минут!.. И оставьте сами знаете что, – произнес он, обращаясь к Корнелию и к молчаливому темноволосому златокрылому, которого Эссиорх видел впервые.

Златокрылый передал Троилу большую сумку-чехол. В чехле угадывалось нечто овальное, немного выгнутое, похожее на блюдо. Повернулся и вышел, прихватив с собой за ухо попытавшегося задержаться Корнелия.

Эссиорх вопросительно смотрел на чехол. Троил не спешил открывать «молнию». Он осторожно положил сумку на кровать, подвинув мешавшую ему подушку.

– Как поживает Меф? – спросил генеральный страж.

– Учится в университете.

– Несмотря на близкую дуэль – все равно учится?

Эссиорх медленно расстегнул кожаную куртку. Он любил звук «молнии» – тяжелой, громоздкой, неубиваемой.

– Мне кажется, о дуэли он почти не вспоминает. Возможно, так даже лучше, – осторожно сказал он.

Генеральный страж одобрительно кивнул. Он был легкий и радостный. Сидел на подоконнике и по-детски, очень несерьезно, болтал ногой. Эссиорх, привыкший видеть Троила вечно занятым и что-то пишущим, не узнавал его. Он подумал, что это подходящий момент для вопроса.

– Свет мог бы не допустить этого поединка?

Троил взглянул на Эссиорха с удивлением.

– Каким образом? Отменить сам факт рождения Мефа?.. Или отменить силы Кводнона, которые перетекли в него?

– Эх! Надо было сразу выдернуть его с Дмитровки! Пусть бы оставался с Зозо и Эдей!

Троил цокнул языком.

– И тихо зверел, считая, что все его достали? Чтобы он дрался в коридоре с дядей, которому надоело отпаивать мать пустырником, слушая ее нытье про шестнадцатилетнего лба, возвращающегося домой под утро?..

– Это ему грозило?

– А почему нет? С его-то силами! Человек должен валиться каждый вечер в кровать, полуживой от усталости. Если не найти силам применения, они загнивают, и мы начинаем с дикой скоростью разрушать самих себя.

– И поэтому его отпустили к мраку?

– Он *сам себя* отпустил к мраку, – строго поправил Троил. – Мы только позволили этому совершиться. Иногда, чтобы выколотить пыльный ковер, надо долго бить его палкой. Разумеется, коверу сложно поверить, что все происходит в его интересах.

– Хорошо! Я понимаю, – уступил Эссиорх. – Выбор мальчишки был свободным. Начни мы удерживать Мефа, он стал бы сражаться со светом за свое право выбрать мрак. И после невнятного прожитого детства выбрал бы его в итоге. Но сейчас-то Меф порвал с прошлым!

Не спеша отвечать, Троил подышал на стекло, извлек из воздуха перо пегаса и несколькими быстрыми и точными штрихами обозначил портрет Мефа. Это был, вне всякого сомнения, Меф, но Меф, неуловимо похожий на Арея. Эссиорх как художник улавливал сходство, но затруднялся сказать, в чем оно заключалось. В повороте шеи? В изломе бровей? В упрямстве чуть опущенного книзу рта?

– Меф порвал с явным мраком. С Лигулом, но не с Ареем. Лигул – закапанный чернильной кровью бухгалтер. Трудно найти юношу с сохранным эйдосом, который сознательно выбрал бы Лигула своим идеалом. А вот не лишенный благородства пират, изредка по настроению защищающий вдов и сирот, презирующий разом и свет, и мрак и текущий будто собственным путем, привлечет немало сердец... Гораздо больше Лигула, уж поверь мне.

В голосе Троила, когда он говорил об Арее, Эссиорху почудилось сожаление. Перо пегаса продолжало скользить по портрету Мефа, меняя его. Еще несколько штрихов по запотевшему стеклу – и Меф исчез без следа. Теперь это был Арей.

– Вы часто думаете о нем? – спросил Эссиорх.

– Порой думаю. Я помню его прежнего, когда он был созданием света, яркий, парадоксальный, независимый. А как бесстрашен в полете! Прыгал с огромной высоты, а у самой земли уже разбрасывал крылья и взмывал. Трое попытались повторить то же самое, и все переломали себе кости. Хорошо, что в Эдеме нет смерти. А вот на флейте играл так себе, средненько.

Эссиорх неплохо знал историю Эдема, но все же представить себе крылатого Арея ему было непросто.

– Арей летал? – недоверчиво переспросил он.

Троил скользнул глазами по звездному небу, точно пытаясь угнаться за чем-то, за чем угнаться невозможно.

– Еще как. И Хоорс летал. И Кводнон. И Лигул. Хотя Лигул, мне кажется, никогда не получал удовольствия от полета, а так... добирался до пункта назначения. Потом Кводнон,

Лигул и прочие отпали, а с ними неожиданно для меня отпал и Арей. Хотя я не сказал бы, что он якшался с этой братией. Арей всегда был сам по себе.

– Ну Кводнон с Лигулом понятно. А Арей почему?

– Бунтарство? Беспокойная натура? Не знаю. Подозреваю, что заигрался сам в себя. Все слишком легко ему давалось. Он не знал, что такое страх, не понимал, что такое боль, не ведал, что такое неудача. Вообще плохо осознавал, что значит «нет» и как это – «наступить на себя». Ни в чем не встречал никаких препятствий.

Эссиорх слушал, затаив дыхание. Перо больше не касалось стекла, замерев в руке Троила.

– В себя играть всегда интересно. Особенно когда все вокруг не такие блестящие. Медленнее соображают, хуже летают, – печально заключил генеральный страж.

Он смотрел на стекло, с которого медленно исчезал Арей. Эссиорху казалось, Троил разговаривает не столько с ним, сколько с тающим рисунком.

– Свет... не я, конечно, а истинный свет, призвавший к жизни и стражей, и людей... больше не давал отпавшим сил. То, что у них оставалось, они быстро растратили. Там, где некогда пылало солнце, образовалась черная дыра. Мрак же... ну, а что мог дать им мрак, нелепая фикция, возникшая только при их отпадении?

– Эйдосы, – подсказал Эссиорх.

– Ну да, эйдосы, – согласился Троил. – Тогда они и стали охотиться за ними, чтобы получать частицы абсолютного света. Стали портить людей, разлагать их, просачиваться в человеческий мир, влиять на его историю. Хорошее таяло, плохое усиливалось. То, что было прекрасным, сделалось уродливым. Кводнон с Лигулом деградировали быстро. Они даже и внешне сильно изменились. Лигул – горбун, а Кводнон – страж-половинка. Наполовину уродливый и мумифицировавшийся – наполовину прекрасный. Мерзкое зрелище!

– А Арей сильно изменился?

– Внешне нет. Разве что погрузнел и утратил крылья. Но внутри он закопченный и выгоревший, как дворец после пожара. Возможно, одна-две комнаты уцелели и, если видеть только их, кажется, что и пожара никакого не было. Сегодняшний Арей – немного опереточное, действительно несчастное, больное, но до сих пор крайне эффективное зло. Не будь таких, как он, в ком дурное и хорошее искажено и перемешано, кто пошел бы за Лигулом?

Троил оглянулся. На стекле больше ничего не было. Даже глаз.

– Теперь о Мефодии! Что меня в нем тревожит? Он не готов расстаться ни со своим мечом, ни со своими силами. Он заигрался в особенного юношу с необычной судьбой.

– Он не собирается отдавать их мраку! – твердо возразил Эссиорх.

– Но он не готов отдать их и свету. В его сознании три ящика – свет, мрак и Меф. На самом же деле ящиков всего два.

– Дафна говорит, он называет себя «союзником света». Разве это плохо?

Эссиорху казалось, что аргумент в пользу Мефа сильный, однако Троил засмеялся.

– Лучше бы помалкивал.

– Почему?

– Раз «союзник», значит, не свет. Дай Мефу волю, он создаст свой отдельный мирок и сам для себя будет определять, что хорошо и что плохо, что допустимо, что недопустимо... В чем-нибудь, пусть даже в пустяке, между Мефом и светом возникнет разногласие, и в этом зазоре начнется гнойный процесс. Ледник тоже не откалывается мгновенно. Все начинается с крошечной трещинки.

По стене пробежала устрашающая тень с лапами. Эссиорх вначале посмотрел на тень, а Троил сразу на плоский светильник, по которому ползла муха. Эссиорх подумал, что именно в этом отличие генерального стража от рядового хранителя. Он видит следствия, а Троил – сразу причины.

– Давай навестим Улиту! Посмотрим, удалось ли ей добиться золотистой корочки. Вроде несложно, но на несложном чаще всего и прокалываются. – Троил спрыгнул с подоконника.

Эссиорх вышел с ним вместе. В опустевшую комнату скользнул темноволосый златокрылый и остался рядом с кроватью, на которой лежала сумка-чехол.

Троил не ошибся, говоря, что чаще всего прокалываются на простом. Золотистая корочка стала уже темной гарью. Улита сидела за столом и, не глядя, что делают ее руки, упорно резала морковь. Отрепленное лицо выражало намерение перерезать всю морковь в мире.

Троил мягко отобрал у нее нож.

– Мне ничего нельзя поручить, – вздохнула Улита.

– Скажем так: ты делаешь все для того, чтобы тебе ничего не поручали. Это защитное, – весело поправил Троил. – Давай попытаемся еще раз. Позови валькирий! Всех не надо. Штучки три. Таамаг, Хаару и еще кого-нибудь.

– Среди ночи? Они меня прикончат! Можно, вместо Таамаг я позову Фулону? – забеспокоилась Улита.

– К Фулоне я мог бы послать курьера. Остальным же только пойдет на пользу, – настойчиво повторил генеральный страж.

Улита уступила.

– Так и быть. Рискну! Если что – не позволяйте Корнелию нести мой гроб. У него выпадет грыжа.

Бывшая ведьма встала, собираясь удалиться сквозь стену несколько парадным, но эффектным способом последовательной телепортации, давно известным на Лысой Горе. Цокнув языком, Троил поманил ее пальцем и о чем-то негромко напомнил. Улита кивнула, не без сожаления покосилась на стену и сделала самую банальную в мире вещь: вышла через дверь.

Эссиорх встревожился, сможет ли она проскочить мимо грифона, но Троил, высунувшись, крикнул Корнелию, чтобы ее проводили. Корнелий, побаивающийся грифона, проявил хлопотливость, передавая приказ дальше по цепочке златокрылых.

Троил засадил Эссиорха чистить картошку. Оставшись недовольным остротой ножа, генеральный страж вручил ему свой кинжал с зазубринами для срезания дархов. Кинжал был острее бритвы, однако картошку резал неохотно: считал себя выше рутинной работы.

Эссиорх пошел у кинжала на поводу и вырезал из картошки человечка. Оживший картофельный человечек строевым шагом прошел по столу, рухнул в солонку и вылез из нее наполовину белым.

– Что с Улитой? – спросил Эссиорх.

Троил предпочел столкнуть вопрос с вопросом:

– А что ты заметил?

– Она плакала.

– И все?

– Она взволнована.

– Хорошо взволнована или плохо?

Эссиорх колебался, с ненужной тщательностью очищая следующую картофелину. Он прикидывал, что ему вырезать: картофельную лошадь или картофельную собаку для наполнения жизни человечка заботой и весельем.

– Взволнована-то она хорошо... Но как-то непривычно.

– Само собой. Я вернул ей эйдос, – кивнул Троил.

Эссиорх вскочил, толкнув стол. Картофельный человечек, не удержавшись, повторно улетел в солонку.

– Она не готова! Его отнимут!

– Поверь моему опыту: дольше тянуть нельзя, – твердо сказал Троил. – А отдаст она его или нет – зависит только от нее самой. Но все же, надеюсь, работа на Большой Дмитровке научила ее, что неразумно расшвыриваться эйдосами.

– Но почему? – спросил Эссиорх с тоской.

– Подумай сам: зачем истинный свет вообще позволяет людям распоряжаться их эйдосами? Ведь ценность каждого, даже самого тусклого эйдоса, превышает стоимость всего человеческого мира со всеми городами, картинными галереями, сокровищницами? Не проще ли забрать их и запереть в сейфе где-нибудь в Эдеме? Мы бы их охраняли. Мрак бы и близко не сунулся.

– Эйдос должен изменяться вместе с хозяином. Осуществлять выбор и отражать его, – заученно отозвался Эссиорх.

Правда была у него в разуме, но в сердце она пока не проникла, и между сердцем и разумом возникали грызня и путаница.

– Вот и не лишай всего этого Улиту! Не пытайся быть умнее правды! – подытожил Троил и дружески надавил ему на плечо.

В минуты внутренней тупиковости Эссиорх всегда спасительно уходил в подробности быта. Отмывал палитру, проковыривал иголкой ссохшиеся пробки в горлышках тюбиков, ощущая внутри живую мягкость масла.

Вот и сейчас Эссиорх послушно сел и вместо лошади, которая уже вертелась у него на кончике кинжала, неожиданно вырезал картофельному человечку жену. Картофельному человечку жена не понравилась своей деловитостью, и он стал поспешно закрывать солонку – главное свое сокровище – крышкой, защищая ее. Эссиорх понял, что у него получился жадноватый старый холостяк, вроде Эди Хаврона. Жена ходила вокруг солонки, глядя как будто в сторону, но постепенно сужая круги.

– Ты знаком с тибидохскими преданиями? – внезапно спросил Троил.

В Эссиорхе зашевелилось когда-то полученное образование, но на всякий случай он покачал головой. Троил понял и улыбнулся.

– По большей части они лживы, как и всякие пророчества. Истинное будущее сокрыто как от стражей мрака, так и от стражей света. Известен только финал, но не путь к нему. Но все же случаются очень здравые предположения. Особенно те, что связаны с именем Древнира.

– Меч, ножны и щит? – мгновенно отозвался Эссиорх.

– *«Меч, ножны и щит еще встретятся. Вместе три артефакта обретут полную силу. Магия абсолютной защиты, магия атаки и охранная магия обретения мощи»*, – процитировал Троил.

– Разве это не пророчество некромагов? – осторожно спросил Эссиорх.

– Некромаги не изобрели ничего своего. Они лишь процитировали Древнира. Древнир же основывался на законе, по которому однажды нарушенная целостность всегда воссоединяется. Меч, ножны и щит – единая целостность. По отдельности они наделены лишь частичной силой.

Троил выглянул в коридор.

– Борн! – окликнул он.

Из комнаты выглянул темноволосый. Он внес уже знакомый футляр и, вручив его Троилу, отошел к окну. «Молния» заедала, но генеральный страж был терпелив. Раскачивая, он продвигал ее короткими толчками. Можно было, конечно, решить дело проще, но Троил предпочитал естественный ход событий сверхъестественному. Лучше кривой дачный домик, построенный собственными руками, чем дворец, возникший по щелчку пальцев.

«Молния» была отодвинута на треть, когда наружу стало пробиваться ровное золотистое сияние. В сравнении с ним лампочка на потолке сразу стала тусклой и лишней. Генеральный страж стянул футляр, и лампочка окончательно ослепла. Теперь на их окно больно было смот-

реть даже с улицы. Троил держал в руках сияющий щит. Каплевидный, почти без декора, лаконично грозный. Центр щита украшала отлитая из золота голова женщины, красота которой переворачивала душу.

– Настоящий светлый артефакт! – выдохнул Эссиорх.

– Посмотри внимательнее! – посоветовал Троил.

Эссиорх взгляделся в щит истинным зрением. Свет, изливаемый щитом, был ровный, согревающий, эдемский. Окажись рядом комиссионер или суккуб, он закрыл бы лицо руками, не в силах выносить щедрости этого сияния.

– Да все в порядке! Правильный светлый артефа!.. – Эссиорх осекся. Схватил щит, сел на корточки и стал всматриваться.

Всматривался он долго, недоверчиво, не желая разочаровываться в совершенной красоте золотого лица. Если бы не молчаливое одобрение стоявшего рядом Троила – возможно, вообще отвернулся бы, не желая перечеркивать такую красоту.

Смотрел и, наконец, увидел. В самом центре света была тень – маленькая, почти неуловимая. Червоточинка, мгновенно превращавшая творение света в самое мерзкое из созданий мрака. Такая же ложь, как в лице золотой женщины. Вначале оно казалось прекрасным. Хотелось смотреть на него вечно и никогда не отрываться. Потом что-то тебя настораживало. И, в конце концов, ты ясно понимал, что перед тобой лицо злобной фурии, от которой невозможно ожидать пощады.

– Только в такие минуты и понимаешь разницу между красотой и прелестью, – с грустью заметил Троил.

– Где вы отыскиали щит? – спросил Эссиорх.

– В Тибидохсе. Но там он был с оскаленным львом. Типичный щит константинопольской работы. Перерождения начались, когда Борн неосторожно попытался пронести его в Эдем. – Троил оглянулся на темноволосого стража. Тот в смущении устался себе под ноги. – Правда, Борна можно понять. В первые минуты я тоже был обманут. Только когда грифон ударил его лапой, мы что-то заподозрили. Нет, это не артефакт света, к огромному сожалению. Это артефакт-перевертыш.

Эссиорх заметил на краю щита две глубокие, не пробившие его насквозь борозды – след гнева грифона.

– Если изменился щит, значит, ножны с мечом тоже? – спросил он.

– Скорее всего. Части раздробленного артефакта всегда равноценны. Это закон. Если яд мрака проник в одну часть, есть он и в других.

– Меч Мефа тоже отравлен мраком?

– Конечно. При этом щит действительно дает почти полную защиту, а ножны тоекратно увеличивают возможности меча, своей близостью непрерывно восстанавливая его силы. В бою щит и ножны невидимы и сливаются с хозяином так, что их фактически и не существует. О них можно вообще не помнить, а меч держать как одной рукой, так и двумя.

– И что? С ними Мефодий станет сильнее Арея? – недоверчиво спросил Эссиорх.

Сомневался он не напрасно.

– Не станет. Даже не сравняется, – заверил его Троил. – У Арея столько опыта и столько эйдосов в дархе, что против большинства артефактов он может выходить с вилкой. Но все же у Мефа появится шанс.

– Это же прекрасно! – воскликнул Эссиорх с энтузиазмом.

– Если бы, – вздохнул Троил.

– Почему «если бы»? – не понял Эссиорх.

Троил шелкнул по щиту ногтем. Щит издал недовольный краткий звук.

– Пока мы рискуем только телом Мефа, которое в любом случае не является вечным. А в этом случае еще и эйдосом. Если Меф не сумел расстаться с мечом, то с мечом, щитом

и ножами ему будет расстаться еще сложнее. Всякая же вещь, с которой мы не можем без сожаления разлучиться, делает нас ее рабом.

Картофельная жена окончательно приручила мужа. Теперь они работали вместе. Высыпав соль, торопливо набивали солонку кусочками моркови и лука, которые отыскивали по всему столу. Работали они с остервенением, не доверяя Эссиорху, который не допустил бы их голода. Да и вообще Эссиорха в их реальности не существовало. Он не помещался в их картофельно-крахмальном измерении, где все протекало просто до невозможности быстро.

– Эй! – крикнул Эссиорх, наклоняясь к самому столу. – Эй!

– Бесполезно! – отозвался Троил. – Практический ум существует в границах доказанных категорий. Ты не доказан, и потому тебя все равно что нет. Твое «эй!» звучало для них часа два... Они небось решили, что это гром.

Временами, когда тень от головы или руки Эссиорха более или менее длительно падала на человечков, они думали, что наступил вечер. Тогда картофельный муж переставал таскать морковь и на дудочке играл нечто беззвучное, но вдохновенное и даже грустное. Жена слушала, подперев щеку рукой. И в эти секунды картофельные человечки становились близки своему создателю.

– Сражаться Меф сможет, – сказал Троил, вместе с Эссиорхом разглядывая человечков. – После боя со всеми тремя артефактами придется расстаться. Оторвать их от себя. Но по силам ли это Мефу, если даже хранитель Прозрачных Сфер готов был смотреть на щит целую вечность?

Эссиорх покраснел.

– Вот о чем я подумал, – продолжал Троил. – Не всегда правильно играть в ту игру, которую тебе навязывают. Если ты знаешь, что противник сильнее тебя в шахматах, возможно, стоит переключить его на шашки. Лигул хочет, чтобы Арей убил Мефа и силы его достались Прасковье. Так? Значит, в Прасковье он уверен? Почему?

– Она воспитывалась в Тартаре, – сразу ответил Эссиорх.

Троил искоса, как птица, посмотрел на него и цокнул языком.

– Но ведь она с эйдосом? Никакой Тартар не погасит горящей свечи. Почему же Лигул убежден, что сердце Прасковьи никогда не повернет к свету? Должно существовать нечто, за что он держит ее, как за поводок.

Эссиорх промолчал, отлично понимая, что Троилу ответ известен не хуже.

– Ну да, разумеется. Лигул постарался выстроить вокруг ее эйдоса стену. Каждое желание Прасковьи исполнялось скорее, чем было высказано. Иногда же Лигул намеренно придерживал ее, чтобы раздуть страсти и заставить по сильнее хотеть. Она чудовищно избалованна. Он добился того, что вскочивший прыщик страшнее для Прасковьи, чем сто тысяч убитых людей. Куда бы ее эйдос ни рванулся, он обязательно ударится либо об эгоизм, либо о жалость к себе. Плюс отсутствие всякой цели, кроме «чтобы мне было приятно».

– Любовь? – спросил Эссиорх с надеждой.

– Любовь – сознательное движение против течения эгоизма. Только жертвой любовь может доказать свою истинность. Боюсь, Прасковье в такую щель не протиснуться. Даже о простом сострадании говорить преждевременно.

Эссиорх сжалился над картофельными человечками и, отыскав две сросшиеся картофелины, вырезал собаку и мотоцикл. Картофельной жене создал трех картофельных детей, чтобы отвлечь ее от тупикового запаса моркови.

– Все же Прасковья осталась человеком, – задумчиво продолжал Троил. – Значит, ее эйдос еще пульсирует, светится, а раз так, не все потеряно. Если бы нам удалось разбудить в Прасковье человека! Развернуть ее взгляд от себя к внешнему миру! Просто чтобы она увидела солнце, небо, звезды! Обнаружила бы в мире нечто существующее отдельно от своего «Я». Не просто «как я отношусь к морю» – а море, как независимая данность, которая была, есть и

будет вне меня. И не просто «нравится ли мне такой-то», а что он человек, существующий вне моего мнения о нем. Возможно, от этого родились бы интерес, сопереживание, жалость, и хоть одна трещина возникла бы в броне, которой Лигул ее окружил.

– Думаете, Прасковью удастся перетянуть на нашу сторону? – заинтересовался Эссиорх, машинально вырезая из картошки еще одного ребенка. Дети висли на матери, как клещи, и мешали ей таскать морковь. Женщину теперь возил на мотоцикле ее байкеризированный муж. Собака носилась за мотоциклом и вместо того, чтобы охранять солонку, производила шум.

– Да нет, конечно. Для начала Прасковью надо перетянуть на ее собственную сторону. Хотя бы чтобы она перестала быть марионеткой и получила возможность сопротивляться тому, что в ней сидит, – поправил Троил. – А для этого нам нужен Камень Пути.

– Но он же...

– У Матвея Багрова, некромага, считающего себя волхвом. И вынуть его из груди нельзя. Достаточно, чтобы она к нему прикоснулась. Камень Пути прокладывает дорогу сквозь мороки мрака. Его хватит на всех.

– И Прасковья порвет с мраком навсегда? – недоверчиво спросил Эссиорх. – Тогда почему же сам Матвей, если камень при нем постоянно, до сих пор...

Прерывая его, Троил махнул рукой.

– Правильно сомневаешься. Если бы все было бы так просто, мы пустили бы Багрова бегать по городу и велели бы ему обнимать всех прохожих... Нет, Камень Пути только показывает путь. А идти по нему должен ты сам... Но мы еще не все решили с Мефом. Кроме щита, ему предстоит найти ножны.

– Они же в Тибидохсе! – удивился Эссиорх.

Голова Троила качнулась медленно, как маятник часов.

– В Тибидохсе мы обнаружили только щит. Ножны выкрал один из учеников темного отделения и продал шустрому вампиру с Лысой Горы. Тот не разобрался, какая ценность попала к нему в руки, и сплавил не то суккубу, не то комиссионеру. Дальше след ножен потерян. Известно только, что они в Москве.

– Суккуб, приобретающий артефакты? Как же он отважился? – изумился Эссиорх, знавший, как требователен мрак к своим слугам. Любая промашка – и ты в Тартаре, а на твоём месте уже другой.

– Действительно странно, – согласился Троил. – Но так даже проще. Сужает круг поиска.

Глава 3

Гудрончик

Святой Василий Великий пишет об одном языческом философе, который говорил: «Прежде я хотел, чтобы все делалось по-моему, но видя, что ничего не делается так, как я хочу, я стал желать, чтобы делалось все так, как делается, и чрез это стало выходить то, что все стало делаться так, как я хочу».

Преп. Иосиф Оптинский

Совсем близко слышались крики, клекот и удары крыльев. Троил и Эссиорх выскочили из кухни. Анний, Фенгюс и Арлон умирляли грифона, оттаскивая его от Таамаг, Хаары и Бэтлы. Анний повис у грифона на шее, затрудняя его движения. Фенгюс и Арлон создавали живую стену. Улита уже протиснулась в квартиру и втащила за собой Бэтлу. Будучи дамами габаритными, Бэтла и Улита закупорили коридор, мешая Корнелию вырваться на лестницу и совершить благородный поступок.

Героический связной ограничился тем, что прыгал, размахивал флейтой и взвизгивал:

– Клюв! Держите ему кто-нибудь клюв! Почему никто не держит клюв, я вас спрашиваю?

Троил негромко, но властно окликнул грифона, взметнувшегося на задние лапы и раскидавшего Фенгюса с Арлоном. Услышав его голос, утихомирился. Болтавшийся у него на шее Анний вновь оказался на ногах и открыл дверь, пропуская Таамаг и Хаару.

– Прошу!

– Вздорное животное! Пусть скажет спасибо, что я сдержалась и не пустила в ход копьё! – оскорбленно произнесла Хаара, созерцая круглый глаз и желтый, круто изогнутый клюв.

– Молчи, ослица! Вон он уже лапу поднимает! – зашипела Таамаг, проталкивая валькирию в квартиру.

Разговор Троила с валькириями вышел кратким. Присутствовал при нем только Эссиорх. Без особых предисловий генеральный страж сообщил, что Багров прощен и может дальше оставаться оруженосцем Ирки.

– Он некромаг! – заявила Хаара.

– Ну и замечательно, – ласково ответил Троил.

– Что???

– Замечательно в том смысле, что моего решения это не отменяет.

– Тот, кто споткнулся один раз, споткнется и во второй, и в третий. Чем раньше отсецешь пораженную конечность, тем меньше будет зона ампутации, – упрямо сказала Хаара.

Троил посмотрел на руки Хаары. На среднем пальце правой был пластырь. Должно быть, содрала, когда метала копьё.

– А как же ампутация? Я думаю: отсечь по запястьё было бы в самый раз. Вдруг заражение уже началось? – озабоченно сказал Троил.

Хаара спрятала руки за спину.

– Это разные вещи! – заявила она хмуро.

Троил доброжелательно коснулся ее локтя и ничего не ответил. Хаара немного оттаяла, но упрямо повторила:

– Он нас предал!

– Возможно. Но не вам знать, сколько боли он при этом испытал. Оставьте их с одиночкой в покое, дайте каждому пройти его путь.

– Вы думаете: Багров придет к свету? Да никогда! Это запутанный, ковыряющийся у себя в пупке эгоист!

– У каждого пупка свой путь. Пусть Матвей сделает все, что зависит от Матвея, и тогда свет сделает все, что зависит от света! – улыбаясь, сказал Троил.

Хаара оглянулась на Таамаг, ожидая от нее поддержки. Могучая валькирия отмалчивалась, почтительно разглядывая золотые крылья генерального стража.

– Хватит вражды! Свет бьет, но не добивает, – терпеливо повторил Троил.

Ему было немного досадно, что валькирий он не убедил.

– Мы служим свету! – брякнула Таамаг.

– Прекрасно. Но тогда служите ему, начиная со своего сердца, а не с соседнего. Не будьте шипящими бабками из тайного эскадрона Лигула, которые прогоняют накрашенную девушку в джинсах, случайно заглянувшую в церковь. Свет не нуждается в услугах добровольной полиции! Я, генеральный страж Троил, говорю вам, что Багрову дан шанс! Чего же вам еще? – Голос Троила был все еще тих, но уже грозен. Даже Хаара, и та уловила.

– Ваше, конечно, право, но до добра это не доведет, – буркнула она, покоряясь. – Закон есть закон. Любое исключение создаст дыру, в которую полезут все. Никому ничего нельзя прощать!

– Прощать нужно всем. В отдельных случаях слишком деятельное псевдодобро опаснее бездейственного зла. С Багровым решено – и хватит об этом.

Таамаг и Хаара сопели. С Троилом они больше не спорили, но их недовольство было очевидным. Одна Бэтла радовалась за Ирку и, не таясь, улыбалась.

Для Эссиорха это оказалось уроком. Впервые он ясно увидел, почему валькирии не свет. Они считают, будто лучше света знают, что ему нужно. Не хотят любить то, что есть, и всегда хотят все улучшать. Даже на Троила посматривают теперь с подозрением: а он ли это? может, оборотень? не затесалась ли тут каким-либо боком измена?

Дождавшись, пока валькирии уйдут, Улита приблизилась к Троилу. Что-то смущало ее. Она стояла и дергала широкой, почти мужской ладонью длинную кофту.

– Ну? – спросил Троил поощрительно.

– Я тут хотела... думаю все время... – начала Улита, но оборвала себя и, махнув рукой, выпалила: – Может ли быть прощен Арей?

Троил разглядывал ее, чуть сдвинув брови.

– Ага, щас! Сегодня Арей, завтра Лигул! А почему не Тухломон? Все на него орут, все обижают гадику! – влез в разговор Корнелий.

Однако Улита к нему даже не повернулась. Она смотрела только на Троила.

– Не я решаю, кому быть прощенным.

– Но вы же генеральный страж!

– И что из того? По-твоему, я сотворил небо и звезды? – тихо ответил тот.

Улита, тоскуя, опустила глаза.

– Но тогда хотя бы объясните почему!!! – сказала она беспомощно.

– Я могу только предположить. Арей неспособен искренно пожелать прощения! – ответил Троил.

– При определенных обстоятельствах он мог бы сказать «прости»! – настойчиво сказала Улита.

– При определенных обстоятельствах он смог бы выдавить «прости!» сквозь зубы. Пожелать же прощения – означает повернуться к прошлому спиной и никогда даже на мгновение не пожелать обернуться. Слова же как таковые вообще необязательны. Нужно только движение сердца.

– Которого у Арея нет? – недоверчиво спросила Улита.

Троил вздохнул.

– Идем на кухню. Я все-таки хочу сегодня закончить борщ по-эдемски, – сказал он.

* * *

В это же время в общежитии озеленителей Чимоданов стоял у окна и поливал йодом фиалку. Он обожал делать мелкие гадости. Зудука, свесив ноги, сидел на шкафу и, используя баллон с дезодорантом и зажигалку, играл в «Горыныча», пуская пылающие струи.

Несмотря на то что было уже почти утро, общежитие озеленителей гуляло и шумно пело песни разных народов. Под окнами кто-то долго кричал, грозился, но так и не подрался. Чимоданов, в предвкушении дежуривший у подоконника, разочарованно отодвинулся в глубь комнаты.

Меф, только что завершивший поединок с Мошкиным, разглядывал на своем торсе красные пятна от шеста. Завтра некоторые исчезнут, а другие станут черными, потом фиолетовыми, потом лиловыми – так и будут менять цвета до бесконечности.

– Тебе не больно, нет? – сочувственно спросил Евгеша.

– Щекотно! – поморщился Меф. – Может, ты не будешь садить со всей дури? Я же тоже могу тебя мечом по шее рубануть! В учебном режиме с разворота.

– Я не со всей дури! Я в полдури, – обиделся Евгеша. – Ты же знаешь, когда надо, я кирпичи из кладки вышибаю.

– Да знаю, я... Ай! – Меф ткнул пальцем в самое больше пятно и скривился. Все же странно, насколько человек зависим от физической боли. Возьми кого хочешь – философа, писателя, музыканта, парящих мыслью в заоблачной выси, и прищипи им дверью хотя бы ноготь мизинца. И все! Всякую возвышенность как корова языком слизала! «Где йодик? Где зеленка? Срочно меня к дохтырю – умираю я!»

Меф ушел в душ, погремел водой, с жестяным звуком падавшей в поддон, и назад вернулся уже в майке. Пока он ходил, жизнь не стояла на месте и обрастала событиями. Дафна и Мошкин ели холодный суп с курицей. Самое здоровое занятие для пяти часов утра. Рядом на свободном стуле, раскинув крылья, дохлой муфточкой валялся Депресняк.

– Ну как? Унитазную крысу сегодня видел? – хлюпая супом, крикнул Мошкин.

И правда, к Мефу и Дафне уже неделю приходила крыса – мокрая и бесстрашная. Было непонятно, откуда она берется и как проникает внутрь, пока Меф не увидел собственными глазами. Крыса приходила из унитаза! Потом Меф разобрался, в чем дело. В унитазе вода стоит только в одном месте, пробкой, а дальше труба полая и идет с малым уклоном. Меф терпеть ее не мог, а Дафна, напротив, жалела и подкармливала.

Чимоданов шатался по комнате и скучал. Согнав кота прицельным пинком, он обрушился на стул.

– Никто не хочет прикола? – радостно спросил он.

Все с беспокойством уставились на Петруччо, зная, что приколом может оказаться даже граната без чеки.

– Сегодня я иду: вижу вначале повешенную кошку, потом дохлую ворону, а потом понимаю, что это просто привязанная к дереву ленточка. Во какие бывают глюки! Ну как? – Чимоданов с торжеством огляделся, не встретил ни в ком интереса и, помрачнев, потребовал свою долю супа.

– Жри прямо из кастрюли, Чимодан! – посоветовал Меф. Тревожно покосился на Дафну и поправился: – Я хотел сказал: кушай из кастрюльки, Петя! У нас закончились чистенькие тарелочки!

Мальчик Петя стал кушать из кастрюльки, производя ужасные всасывающие звуки.

– Катя говорит: вытирать об себя руки некультурно! – внезапно произнес Мошкин, глядя на Чимоданова.

Петруччо перестал жевать. Изо рта у него свисала капуста.

– Какая еще Катя? Женщина – ребро! В костях мозга нет!
– Катя говорит: в костях – костный мозг! – сразу возразил Мошкин.
– Кто твоя Катя? Профессор?
– Неа. Катя учится с ним в полиграфе, – объяснил Меф с улыбкой.
– Это та, которая у него маечку взяла постирать? У, змеища, издали подбиралась! – буркнул Чимоданов.

Даф молча показала пальцем на обои, на которых фломастером было выведено:

Сказав гадость о ком-то, ты сказал ее о себе.

– Светлая пропаганда! – проворчал Чимоданов. – А мне по барабану! Все равно змеища! Евгеша довольно заулыбался. Для него Катя была настоящим сокровищем. Наконец-то Мошкин всегда знал чего хотеть и имел кучу готовых мнений.

С этой же Катей, кстати, связана была занятная история. Мошкин рассказывал ее так:

«Еду в институт и вижу по дороге парня в зеленой куртке с оранжевыми карманами и желтыми рукавами. Натурально попугай, да? Я смотрю и думаю: неужели найдется еще хоть один придурок, который эту куртку купит? Потом пришел, а Катя встречает меня в такой же куртке!»

«Постой, – осторожно спросила Дафна, – а твоя осенняя куртка... ну в которой ты вчера приходил... она разве не...?»

– Так это она и есть. Катя мне ее передала. Она ей велика оказалась, – ответил Мошкин с робкой улыбкой.

Когда мальчик Петя Чимоданов съел все, что имелось в кастрюльке, они с Мефом стали вспоминать про вчерашний дождь и спорить, кто больше намокает: человек, который идет под дождем, или человек, который бежит. Меф утверждал, что который бежит, потому что он еще и грудью капли сшибает. «Зато он меньше времени под дождем проводит!» – напирал Чимоданов.

Мошкин не вмешивался. Он только вспоминал, как шагал вчера по огромной луже, в которую превратилась 2-я Хуторская улица, останавливался и спрашивал: «Когда ты совсем мокрый, дождя можно уже не бояться? Да?»

Пока они препирались, соскучившаяся Дафна пела Депресняку колыбельную: «Спи моя гадость, усни!» Бывали случаи, когда Чимоданов и Меф спорили о какой-нибудь ерунде часа по два, и Даф, зевая, отправлялась спать, оставив их выяснять, сохранится ли человеческая культура, если пять мужчин и пять женщин попадут на необитаемую планету, не имея даже гвоздя и шариковой ручки, или не сохранится.

– Подчеркиваю! Имей в виду! – наконец сказал утомленный Чимоданов.

Горло у него сипело от многократного повторения одного и того же.

– Да имел я тебя в виду! – отвечал Меф, под глазами у которого голубели подковы.

Он посмотрел на часы и со стоном встал, чтобы собираться в универ.

– А я тогда посплю часик на твоей кровати! Вечером тренировка! – сказал Мошкин, обрушиваясь на диван Мефа. Диван всхлипнул всеми пружинами.

* * *

Вернувшись из университета, Меф обнаружил у входа в общежитие мотоцикл Эссиорха, прикрученный цепью к выносной рекламе магазина «Продукты». Возле мотоцикла на корточках сидел обросший бородой озеленитель в шлепках и ногтем большого пальца ковырял цепь там, где с нее содралась краска.

– Здравствуй, аксакал! Твой мотоцикл? – спросил Меф.

Озеленитель не растерялся.

– Тут парковать нельзя! Слушай, да! – сказал он, отодвигаясь от мотоцикла не дальше чем на шаг.

Меф некоторое время прождал, пока он уйдет, но так и не дождался. Озеленитель смотрел на него круглыми глазами и грозно шевелил большими пальцами ног. Тогда Меф ушел сам.

Эссиорх с Дафной сидели за столом. В первую секунду Меф подумал, что они играют в карты. Но они раскладывали фотографии. Меф заглянул Дафне через плечо. На одном из снимков он узнал Тухломона. Другие тоже показались ему знакомыми. Когда-то он часто видел их в очереди суккубов и комиссионеров.

– Этот? – спрашивал Эссиорх, подвигая один из снимков.

– Он бы не рискнул. Очень уж Арея боялся, – отвечала Даф и двигала вперед другой снимок. – Скорее уж этот! Вечно первым лез и наглед!

– Эссиорх! Скоро без мотоцикла останешься! – сообщил Меф.

Вскочив, хранитель подбежал к окну. Озеленитель раздобыл где-то ножовку и увлеченно пилил цепь.

– Да нужен ему мой мотоцикл! Говорил я Улите: крась лучше! – зевнул Эссиорх, возвращаясь на свое место.

– Ты что, не собираешься ничего делать?

– Цепь заговоренная. Чтобы ее перепилить, нужно лет шесть, – довольно объяснил Эссиорх.

Он закончил сортировать карточки и убрал лишние со стола, оставив только несколько.

– Вот они – самые удачливые суккубы и комиссионеры мрака, которым начальство делает послабления. Есть и другие, но, думаю, вначале стоит проверить этих...

– А зачем их проверять? – спросил Меф. Он видел в свое время столько пластилиновых рож, что теперь его от них мутило.

Из любопытства Буслаев подошел к окну. Разочаровавшись в ножовке, бородатый озеленитель уже работал циркуляркой, добытой на ближайшей стройке. Рядом, настороженно поглядывая по сторонам, вертелось еще трое озеленителей. Циркулярка звякнула. Диск разлетелся.

Дафна посмотрела на Эссиорха. Тот кивнул.

– Есть предположение, что у кого-то из них твои ножны, – объяснила Дафна.

Буслаев подался вперед. О существовании двух других артефактов он слышал и прежде, но считал их легендой.

– Мои ножны? А щит?

Дафна беспомощно оглянулась на шкаф. Меф нетерпеливо потянул дверцу. На него обрушилась лавина одежды. Недовольно зашипел, щеря зубы, дремлющий вечно в самых неподходящих местах Депресняк. Меф задрал голову, сдернул с верхней полки рюкзак. Из-под рюкзака плеснул светом каплевидный щит с женской головой.

Разглядывать его Меф не стал. Он не признавал эстетики ради эстетики. Оружие он делил на то, что «работает», и на то, что «не катит». Схватил щит, надел на руку. Стремительным толчком воли вызвал меч. На мгновение меч притянулся к щиту, точно поздоровался с ним после долгой разлуки, и сразу отстранился. Меф прокрутил меч в руке.

– Давай проверим щит! Атакуй! – потребовал он у Эссиорха.

– Лучше начать с маголодий! – мягко возразил тот.

Меф повернулся к Дафне.

– Давай самую сильную!

Дафна извлекла флейту и, сложив в голове маголодию, коснулась губами мундштука. Раньше она бы сделала это не задумываясь, но сейчас ей было жаль его. Последнее время Дафна настолько омефилась, что даже слово «мифический» писала через е – «мефический». А тут нате вам – пали в него боевой маголодий.

– Как-то так сразу... Я не могу... Ты в курсе, что маголодий понарошку не бывает? Если уж шарахнет, то...

– Давай! – нетерпеливо повторил Меф.

Дафна выдохнула штопорную маголодию – не самую сильную, но одну из самых удачных. Спиралью закручиваясь вокруг противника, магология терпеливо выискивала в его обороне брешь и наносила туда удар.

Меф полетел кувырком, спиной опрокинув стол. Эссиорх помог ему подняться. Потом нашел щит и вернул Мефу. Тыльной частью руки Буслаев вытер нос. На руке дрожала капля крови, похожая на шарик.

– С этой ясно!.. Давай другую! – распорядился он.

– А одной тебе мало? – грустно спросила Дафна.

Меф, как всегда, не склонен был признавать поражение.

– Слишком длинная. Я бы тебя мечом достал! Мне важно было проверить: отражает или нет, – заявил он и снова загордился щитом.

Дафна выдохнула следующую. Эта была сильнее прежней, но не такая изворотливая. Соткавшись из воздуха и из мысли Дафны, звуки ударили в центр щита. Меф качнулся, но устоял.

– Отлично! Еще!

Вскоре Дафне пришлось напрягаться. Она никогда особенно не утруждала себя зазубриванием атакующих маголодий – хватало тех нескольких, которые она регулярно использовала.

Из семнадцати стандартных атакующих маголодий щит пробил только две. Часть не сработала вообще, потому что Дафна, мало практикуясь, что-то в них напутала. Еще четыре нанесли Мефу некоторый урон. Остальные щит стряхнул небрежно, как дождевые капли.

Уже под конец Дафна вспомнила маголодию тройной атаки. Первая волна звуков на время ослепляла противника. Вторая подбрасывала его, и третья ударяла по нему, как ракетка по подкинутому мячу.

Меф был знаком с этой магологией и прежде, но никогда ничего не мог ей противопоставить. Можно отразить выпад клинком, но как отразишь мчащийся на тебя грузовик? Уже после первой слепящей волны, уверенный, что его сейчас впечатает в стену, Меф, забывшись, перехватил меч обеими руками и внезапно понял, что щит исчез. Он оборонял все тело, но при этом словно и не существовал. Вторая волна соскользнула с защиты Мефа, лишь слегка опалив ему волосы, а третья прокатилась над ним, не причинив никакого вреда.

Пораженная Дафна опустила флейту. Меф сделал мечом несколько пробных выпадов с обеих рук. Щит не мешал, не сковывал движений, хотя Меф и ощущал его присутствие. И лишь когда Меф пожелал этого и перебросил меч в правую руку, щит возник снова.

– Ну что... закончились магологии? Теперь давай ты! – в азарте крикнул Меф Эссиорху.

Тот развел руками.

– Да что я? Я старый изломанный байкер! Ты вон с ним справишься! Давай, Корнелий! Только не зашиби! – лениво сказал Эссиорх, кивая куда-то за спину Мефа.

Буслаев обернулся, не понимая, откуда в комнате мог взяться Корнелий. В следующую секунду Эссиорх с силой дернул за ковер и мгновенно закатал в него Мефа вместе со щитом. На свернутый ковер хранитель аккуратно поставил стул и сел на него. Буслаев извивался как гусеница. Из ковра торчала одна голова.

Эссиорх ногой придвинул к себе разбитые магологией часы и послушал ухом, тикают ли они.

– Дафна, тебе пора! Надеюсь, Улита уже выследила суккуба. Одного из тех, троих. Я просил ее еще с утра, – сказал он.

– Суккуба? Какого? – спросила Даф.

– На месте узнаешь.

– А я? – завопил из ковра Меф.

– Нам с тобой лучше не маячить. С этой публикой я больше Улите доверяю. Спугнем, заляжет на дно – за год не выцарапаешь... Да не извивайся ты! Силы береги! Тебе сегодня в другой город ехать!

Меф от удивления перестал ворочаться.

– Куда?

– Скоро узнаешь! Дыши носом, это успокаивает!

Объясняя Дафне, как найти Улиту, Эссиорх вышел из общежития. Четыре озеленителя таинственно улетучились. Мотоцикл валялся на газоне. Лукоморская цепь исчезла вместе с его задним колесом и рекламой магазина «Продукты».

– Даже перепиливать не стали! Надо было к раме крепить! – ошеломленно прохрипел хранитель.

Дафна засмеялась и, протолкнув в горловину рюкзака морду высунувшегося Депресняка, телепортировала.

* * *

Возвращение эйдоса внешне мало повлияло на Улиту. Нимба у нее над головой, разумеется, не возникло, и привычки остались теми же. Разве что изредка она останавливалась посреди улицы и на несколько минут замирала со слегка досадливым выражением лица, пальцем царапая грудь. Она точно ощущала в себе что-то тревожащее, существующее не по законам этого мира и выпадающее из круга ее привычных занятий.

Когда Даф ее увидела, Улита сидела напротив старого здания мэрии и, скучая, цыганской иглой колола себя в ноздрю. У проезжавших по Тверской автомобилей лопались шины. За спиной у Улиты сурово взирал на ее делишки московский князь Юрий Долгорукий.

Рядом с Улитой стояла коробка острых куриных ножек. Видимо, бывшая ведьма по старой привычке увела из сетевого рестораника чей-то обед.

– Потому что у меня жевательный рефлекс! Эдакое затянувшееся младенчество! И вообще кратковременная я какая-то! Высокий накал мысли не могу сохранять сутки напролет! И хорошей не могу быть сутки напролет! Все во мне непрочно!

Жалуясь, Улита дирижировала куриной ножкой, что несколько снижало накал трагизма.

– Суккуба нашего видела? – спросила Дафна.

– Пока нет. Но сегодня он точно будет.

– Уверена?

– Расписание мрака надо знать. Пуфс ввел новые правила. Сегодня он принимает буквы от «А» до «Д». Смекаешь, что получается? – заявила Улита.

Дафна засмеялась. В ее смехе было много полупрезрения-полуснисхождения, которое мы испытываем к чужому начальству и которое моментально исчезает, едва только начальство становится собственным. Улита тоже засмеялась, но гораздо более натянуто. Она все еще числилась в сотрудниках мрака, хотя на самой Дмитровке почти не бывала.

Примерно через полчаса, когда Дафна устала всматриваться в толпу, Улита дернула ее за рукав.

– А вот и наш попугайчик! – прошептала она.

– Где?

Даф, недоумевая, обернулась. Голубь на руке у московского князя мало походил на попугайчика. Улита схватила ее за плечо и толкнула за киоск с мороженым.

– Стой тут и не высовывайся! – велела она.

– А попугайчик? – наивно спросила Даф.

– Сейчас будет! Такой напугайчик, что прямо запугайчик! – пообещала ведьма.

От Большой Дмитровки к Тверской катился кругленький маленький человечек в желтеньком плащике, похожий на лимон с ножками. Вид у него был независимый, а ладони он засунул в карманы так, что наружу торчали только большие пальцы, которыми он непрерывно шевелил. Щечки у человечка были пористые, круглые, а подбородок и лоб равномерно вытянутые, что усиливало сходство все с тем же лимоном.

Когда он поравнялся с киоском, ведьма сделала быстрый шаг вперед и подхватила его под локоть.

– Ваши документики, уважаемый!

«Лимон» подпрыгнул от ужаса и из желтого сделался зеленым, мгновенно утратив товарный вид. Документики он показать не пытался, только дрожал.

– Зы-зы-зыздрасьте! – проблеял он.

– Знаешь, кого я поймала? – спросила Улита.

Дафна втянула носом воздух, больше доверяя нюху, чем глазам. От незнакомца в плащике пахло духами пополам с пшикалкой для горла.

– Суккуба, – безошибочно ответила она.

– Ну это и так видно! А какого?.. Разве тебе Эссиорх имени не говорил?

Даф мотнула головой. Улита встряхнула «лимона» за ворот.

– Разве ты его в канцелярии никогда не видела? А, ясно! Арей его редко вызывал! Вот подсказка: это суккуб, с которого мрак не требует эйдосов! Не требует отчетов! Соглашается держать на земле за просто так! Не хилая зацепочка, а? Вообрази: за просто так!!!

Дафну не спасла и зацепочка.

– Ну ты, мать, даешь! Это же Гудрон! – изумилась Улита.

Даф нахмурилась. Имя было ей хорошо знакомо. Она вспомнила, что одно время его долго искали боевые двойки златокрылых.

– ГУДРОН? Что, тот самый? – спросила она недоверчиво.

– Угу. Тот самый Гудрон! Наисамейший такой Гудрончик!!! – охотно согласилась ведьма.

Дафна вцепилась в загривок Депресняку. Конечно, она знала, что мрак проводит компанию по уничтожению важных понятий. Уничтожить их, разумеется, нельзя, но можно попытаться извратить, придав слову другой смысл. Было истиной – стало оскорблением.

– Так это ОН??? Тот самый комиссионер, который портит слова? Он изгадил слово «тварь»? И «убогий» тоже он?? И из «прелестной женщины» комплимент он сделал?

– Он, он, – наябедничала Улита.

Она протянула руку и пальцами растянула суккубу мягкие щеки. «Лимон» в ужасе дергался, пытаясь слинять, но секретарша держала крепко.

– А ну! Улыбочку! Вас снимает скрытая камера!

Гудрон тревожно зарумянился. Щеки его дрожали. На них образовывались нескончаемые бугорки и мешочки.

– А «не буду работать за «спасибо!» тоже ты? Человек, который такое брякнул, хотя бы понимает смысл слов?

– Это в переносном смысле! Надо же иметь чувство юмора! – сказал Гудрон поспешно.

– Ладушки! Тогда скажи с чувством юмора: «Лигул меня побери!» – и я тебя отпущу! В ту же секунду! И пусть даже смысл будет самый переносный! – с азартом предложила Даф.

У Гудрона заматались глазки. Улыбка по дряблым щечкам увильнула к ушам и затерялась без следа.

– Видите ли, друзья мои! Я бы, конечно, сказал, но поймите меня правильно... Данное фразеологическое выражение «Лигул меня»... э-э... ну, вы понимаете, не столь закрепилось в языковой традиции, посему из опасения быть ложно понятым, я, пожалуй, не возьму на себя смелость... Исключительно с семантической точки зрения!

– Слушай, Даф! – нетерпеливо шепнула Улита. – А ведь мы не можем его отпустить!.. Я у мрака еще числюсь, а он на меня накапа... Ай! Что ты делаешь, гаденыш?

Она еще не договорила, когда «лимон», обвисший у нее в руках как пустой плащик, брызнул ей в глаза из баллончика и укусил ее пластмассовыми зубами за запястье.

Ведьма от неожиданности разжала пальцы. Гудрон рванулся, выскочил на проезжую часть и зайцем запрыгал между гудящими машинами.

– Лови его! – заорала Улита.

Со второй попытки Даф выдернула из рюкзака застрявшую флейту. Маголодия настигла суккуба в воздухе, когда он наполовину телепортировал. Послышался короткий вопль, хлопок и – все исчезло. На дорогу выбросило несколько разноцветных тряпок.

Дафна опустила флейту.

– Ну вот оно и случилось! – произнесла она без сожаления.

– Что случилось?

– Лигул его побрал! – пояснила Даф.

Улита никогда прежде не видела спокойную Дафну такой сердитой.

Ведьма пасмурно посмотрела на валявшиеся тряпки. Запах духов рассеивался.

– Больше я не буду тебя с собой брать! – сказала она сердито. – Ну прибила его! А если ножны у него были?

Дафна наклонилась, чтобы поймать Депресняка.

– Будем надеяться, что не у него... Кто у нас остался?

– Тухломон, Хнык и доктор Возбуханчик, – ответила Улита, связавшись с Эссиорхом.

– А что за Возбуханчик? – удивилась Даф.

Улита хихикнула.

– Это наша медицинская светила! Комиссионер в белом халате! По электричкам работает!

– Как это?

– Сейчас все помешаны на здоровье. Едет в электричке добрый дядя-доктор. Ехать долго, потрепаться никто не прочь, да еще с доктором. Он объясняет, что центр болезни вот тут, – Улита ткнула себя пухлым пальцем в центр груди. – И если выдернуть этот гвоздь, то все будет в шоколаде...

– А гвоздь – конечно, эйдос?

– Коронная фраза Возбуханчика: «Вы так много болеете, потому что вы слишком добрая для этого мира! Все вас используют! Позвольте, я вам помогу! Повторяйте за мной!» И – чик! – пластилиновой лапкой в грудь!

– И что? Неужели повторяют формулу отречения?

– Девяносто эйдосов в неделю. Да еще, думаю, примерно треть заживает, – со знанием дела ответила бывшая секретарша мрака.

Глава 4

Чаяние чайки, вычаивающей чайчонка

Старый резчик по дереву. Учеником резал плохо, чаще ранился. Потом начались крепкие ученические работы. Дальше профессионализм, но профессионализм бездушный. Слишком много отвлекался. Когда пришла любовь к делу и дело стало главным, центральным – начали получаться вещи яркие, мощные. Наступила старость. Стекла очков толстели. Руки дрожали. Суставы распухли от артрита, и резчик понял, что не может вырезать даже простой деревянной ложки. Он заплакал, взмолился Богу: «Господи, да как же!» и внезапно в остром прозрении понял, что резал он не дерево, а нечто гораздо более важное. Вырезал самого себя...

Йозеф Эметс,
венгерский философ

Когда человек говорит, что любит осень, а другой, что терпеть ее не может – оба говорят одно и то же. Разногласия, в принципе, – фильтрация впечатлений. Первый представляет пронизанный солнцем сентябрьский день и ветерок, штопором закручивающий березовые листья. Второй же – ранний вечер, холод, тоску и непрерывный дождь.

Ирка ничего не представляла. Она стояла у окна «Приюта валькирий» и бодала его горячим лбом. Рядом переминался с лапы на лапу недовольный Антигон. Круглоголовые фонари торчали вдоль аллеи, освещая только собственные лысые макушки. Вокруг них серебристыми нитями чертился дождь.

В Сокольниках прокладывали новые дорожки. В окно «Приюта валькирий» видна была куча серебристого строительного песка. Чтобы ее не размыло дождями, кучу покрыли черным полиэтиленом, похожим на лежащего человека. Вчера вечером, когда Ирке стало совсем тоскливо, она прямо из окна прыгнула на кучу и долго лежала, а полиэтилен шуршал от ветра.

Сейчас у залитой дождем черной горы сидела мокрая дворняга и, подняв морду, вслушивалась в тучи – именно вслушивалась, потому что увидеть что-то было нереально.

Ирке неприятно было смотреть на эту собаку, потому что рядом с ней трудно ощущать себя несчастной. Слишком бросается в глаза, насколько человек меньше терпит, чем самое последнее животное. В десятки раз меньше переносит. В сотни раз больше имеет. А насколько тревожнее, ропотливее.

– Сгинь отсюда! – крикнула Ирка в окно.

Собака сразу вскочила и вильнула хвостом. Ирка поняла, чего она ждала.

– Антигон! Тут к тебе пришли! – позвала она.

Кикимор взгромоздился на подоконник. В руках у него было причудливое орудие, изготовленное из подставки для телескопа, куска пластиковой водосточной трубы, выпрошенной у Корнелия доски эдемского дерева и конфискованных у суккуба подтяжек.

– Так... чуточку правее... ниже... ага... в самый раз! – бубнил Антигон.

Приложился к трубе, проверил прицел и, оттянув подтяжки, отпустил их. Рядом с собакой в землю врезался апельсин и запрыгал к беговой дорожке. Потом еще один, и еще. Апельсиновый град продолжался секунд десять. Антигон прыгал у водосточной трубы, пытаясь его остановить.

Скулящая собака, сшибленная с лап апельсином, скрылась за деревьями.

– Ты чего? – спросила Ирка.

– Не знаю, гадская хозяйка! Вчера там сосиски были! Вечно они в своем супермаркете все переставляют! Найду, кто это делает: насмерть защекочу! – оправдываясь, заявил Антигон.

В его неудачах постоянно виноват оказывался кто-то другой.

Ирка дернула дверцу шкафа, и оттуда на нее шагнул человек. Она заслонила руками. Человек тоже испугался: дернулся и заслонился. Зеркало! Ирка нервно засмеялась, хотела остановиться, но не смогла. Смех перешел в рыдания. У нее началась истерика.

Потом встала и подошла к зеркалу. Лицо, вынырнувшее в стекле, показалось ей незнакомым. Большелобое, некрасивое, с маленьким упрямым подбородком. На Ирку оно смотрело враждебно, с подозрением. Глаза – красные, уставшие от чтения. Глубоко несчастный человек, окопавшийся в своем внутреннем пространстве. В сущности, право быть любимым – главное право каждого человека. А она никому, совсем никому не нужна! И никогда не будет нужна!

Мысли двигались цепочкой, тоскливые, безрадостные, давящие. Шуршащие, как ползущая по фольге кобра, они становились все громче, все отчетливее.

– Убей себя! Хуже все равно не будет! Хватит терпеть – убей! – услышала Ирка голос, который был, скорее всего, ее собственным.

Валькирия-одиночка вздрогнула. Подошла к окну. На миг ей показалось, что там, на аллее, стоит Багров и смотрит на нее. Но нет. Просто поздний бегун.

Да, правда, хуже не будет! Осень. Дождливая хмарь. Тоска. Жажда света и солнца. И все бесполезно!

Ирка призвала копье. Медленно повернула его наконечником к себе. Наконечник полыхал. Один укол, одно прикосновение – и все кончено. Медленно, очень медленно Ирка занесла копье вперед на всю длину руки. Привычно оценила дистанцию: замах небольшой, но должно хватить. Сердце у нее не билось, а проваливалось куда-то. И правда, как просто! Только один укол!

– Давай! – повторно шепнул голос.

– Да! – сказала Ирка сквозь зубы. – Пора!

Она сделала быстрый бросок мимо плеча, за спину. Повернулась. Копье валькирии не знало промаха. На стене, пригвожденный копьем, болтался дохлый молоденький комиссионер, медленно теряющий морок невидимости. На шее у него качались два шарика на нитке. Ага, дистанционный передатчик мыслей... Так она и думала!

Ирка взяла копье за древко и, раскачав, выдернула.

– Знаешь, на чем ты прокололся? Слишком спешил... По мне, так право человека – любить самому. Быть любимым – глубокий факультатив, – объяснила она.

Зажав пальцами нос, Антигон отправился выносить пластилин.

Около полуночи, когда Ирка не была волком только из опасения действительно превратиться в волчицу, к ней пришла Бэтла. Она была свежа, бодра и в каждой руке держала по шоколадке. На волосах у валькирии сонного копья мелкими каплями дрожал дождь.

– О, привет, поганка! Иди сюда – я тебя лелеять буду! – крикнула она Антигону, бросаясь его обнимать. Кикимор, плюясь и ругаясь, полез прятаться под стол.

Бэтла засмеялась и круглым локтем ударила в центр рамы.

– Ну и душно тут у тебя! Человек как подсолнух! Ему нужен воздух и свет!

Окно чавкнуло. Шпингалет отлетел. В раму ударило косым дождем. Внизу, у кучи песка, сидел на корточках оруженосец Бэтлы Алексей и кормил «апельсиновую» собаку полуметровой палкой колбасы.

Ирка толкнула стол ногой.

– Мне плакать хочется! – пожаловалась она.

– Так плачь! И пробеги под дождем километров пять! Вместе с плачем прочухивает на раз! – посоветовала Бэтла, насильно забрасывая ей в рот кусок шоколада.

Ирка прожевала.

– А теперь двинули! – Бэтла подтолкнула ее к люку.

– Куда?

– К Фулоне. – Бэтла заглянула под стол, откуда на нее тарасился Антигон. – Вылезай, ворчун! С нами пойдешь!

Они перелезли через забор Сокольников и стали ловить машину. Распалившаяся Бэтла раскрутила Антигона за ласту и под мороком младенца забросила в окно проезжавшего мимо такси. Повеселевший после наштабры водитель привез их к Фулоне.

Все валькирии были уже тут. Ламина кокетничала с оруженосцами. Один укрывал ей пледом ноги, другого она томно просила помешать ей ложечкой чай, потому что «тут нужна твердая мужская рука». Свое копье, однако, твердой мужской руке она никогда бы не доверила.

Хола разговаривала по телефону со своей подругой Нюрочкой. Эта Нюрочка была известна тем, что ей все требовалось бесконечно разжевывать.

– Ты сегодня особенно тормознутая! Как может муж моей сестры быть не замужем? Тьфу, ты... ну, короче, ты поняла...

Таамаг за что-то разозлилась на оруженосца Ильги, посадила его на шкаф и велела не слезать двадцать минут. Оруженосец сидел на шкафу, не сводил взгляда с часов и делал вид, что это очень забавная шутка.

Ильга, только что вернувшаяся с работы, тихо умирала на стуле у окна.

– Я так больше не могу! – стонала она. – Я уволюсь! Мало того, что со мной в комнате сидят шесть тупых наседок! Так они завели себе кучу разных карточек, целый день переставляют их и обсуждают, кому на что надо звонить, чтобы было дешевле! Пфуй!

– А ты осуждаешь! – сказала Хаара.

– Чихать! Осуждать, что кто-то осуждает, хуже, чем самой осуждать! – заявила Ильга.

Ирка громко кашлянула, обозначая свое присутствие в комнате. Заметив ее, другие валькирии сразу замолчали, и из разобщенных ссорящихся женщин стали единой отторгающей стеной. Ирка в очередной раз почувствовала, что можно ссориться и оставаться при этом своим, а можно всем улыбаться и быть чужим.

Правда, и у Ирки имелись тут свои защитницы: неуклюжая, грохочущая Таамаг, Бэтла и Гелата.

Гелата толкнула Ирку на свой стул, задвинула ее в удобный уголок за шкафом и принялась закармливать насмерть, решительно собирая с тарелок других валькирий все, что было стоящего. У кого-то кусок торта, у кого-то куриную ножку. Другие валькирии тихо сопели, но возражать никто не решался. При всей своей кажущейся мягкости внутри Гелата была стальная.

Ирка отважно мешала крем с мясом, поочередно откусывая от торта и ножки. Она смотрела на Гелату – такую светлую, улыбающуюся, и думала, что никаких поводов для радости у той нет. Интересная она, Гелата! Живет в Солнце с полуженой старушкой, у которой сто две болячки на неделе, не считая обид на весь мир и дурных настроений. Вещей – полтора чемодана, да и с теми согласится расстаться в любой момент. Похвалишь что-нибудь – моментально дарит.

Будущее? Личная жизнь? Говорить нечего. Личная жизнь валькирии – ее копье, щит и шлем. Измен они не прощают. И при всем при этом из валькирий Гелата самая радостная. Счастлива напролом, вопреки всему. Точнее Ирка не могла выразить и путалась в противоречивых понятиях.

Бэтла выскользнула в коридор, почти сразу вернулась и поманила за собой Ирку.

– Давай! Ни пуха! – сказала она, вталкивая ее в соседнюю комнату.

Фулона сидела у шкафа, непривычно тихая и домашняя.

– Добрый вечер!.. Не передашь мне вон ту коробку? За шторой! – попросила она.

Ирка отодвинула штору. На подоконнике стояла поцарапанная жестяная коробка. В таких хранят иголки, наперстки, батарейки.

– Сейф, – пояснила Фулона. – Сейф валькирий. В нем то, что наши предшественницы собрали за все время существования валькирий.

Ирка недоверчиво хмыкнула. Ей казалось, такой сейф можно вскрыть ключом для консервных банок.

– Сними крышку! – предложила Фулона.

Воспользовавшись разрешением, Ирка заглянула. Ничего. Пустая коробка, если не считать катушки белых ниток. Блестящее дно с несколькими пятнышками ржавчины.

– Положи туда чего-нибудь!

Долго не выбирая, Ирка сунула в коробку мокрую чайную ложку из стоявшей тут же чашки. Фулона поморщилась.

– Послушай, одиночка! Ты бы ее хоть вытерла!

Ирка смутилась.

– Доставать?

– Давно пора, – кивнула валькирия золотого копья.

Ирка, не глядя, попыталась достать ложку. Пальцы лязгнули о дно. Пусто. Ирка встряхнула коробку. Внутри загремела катушка с нитками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.